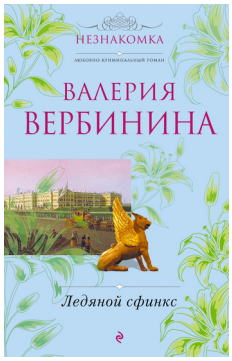
НЕЗНАКОМКА
ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИНИНА
Ледяной сфинкс

Валерия Вербинина

Ледяной сфинкс

Серия «Амалия – секретный агент императора», книга 11

http://www.litres.ru
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=332652
Ледяной сфинкс: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-43106-9

Аннотация

Амалия Тамарина с триумфом вернулась из Америки – по заданию особой службы она нашла пропавшую картину Леонардо да Винчи. Ее принял сам государь-император, и перспективы вырисовывались самые радужные, но случилось то, чего никто не мог ожидать, – террористы бросили бомбу в карету Александра II и убили Царя-Освободителя! Юная сыщица не могла оставаться в стороне от расследования, тем более и она сама, и ее семья оказались втянуты в хитросплетения придворной интриги. Амалия обязательно выйдет на след того, кто стоит за этим ужасным преступлением! А поможет ей новый знакомый – гвардейский офицер Александр Корф…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 37
Глава 8 43
Глава 9 49
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Валерия Вербинина
Ледяной сфинкс

Памяти моей матери

Пролог

Он взбежал по лестнице. Не постучав, вошел в дверь.

За дверью его уже ждали.

– Это произойдет первого марта, – выпалил он.

– О чем вы говорите? – изумился находившийся в комнате человек.

Вошедший перевел дыхание. Торопясь на встречу, он почти бежал, и в боку у него теперь кололо, отчего пришла досада на себя за свою слабость.

– Заговорщики все подготовили, изучили его привычки, – горячо продолжил мужчина. – Первого марта… У них во дворце свой человек, его зовут Грановский, там у него другое имя… И этот человек все им рассказал. Да они и сами вели наблюдение… Первого марта будет воскресенье, он должен быть в Михайловском манеже на разводе караулов гвардии. Потом должен вернуться в Зимний дворец, и у него только две дороги, вы понимаете, о ком я говорю…

– Вы волнуетесь, – участливо произнес собеседник. – Может быть, вам лучше сесть?

Но вошедший только упрямо покачал головой.

– У нас мало времени. Я все узнал… все, что мог. Куда бы он ни поехал, его будут ждать. На Малой Садовой улице заговорщики сняли помещение в подвале… хотят устроить взрыв, если он будет ехать мимо в карете. А на другой дороге, на Екатерининском канале, его будут ждать несколько человек с бомбами. Это чудовищно, просто чудовищно…

– Прежде всего я прошу вас успокоиться, – внушительно проговорил человек, показавшийся в комнате, – и сесть, потому что мне трудно разговаривать с людьми, когда они стоят.

Прибывший сел. По опыту он уже знал, что его собеседник будет задавать множество уточняющих вопросов, так что и в самом деле не имело смысла оставаться на ногах. Колотье в боку прошло, но на смену ему явилась мучительная тоска и еще какое-то тягостное чувство, которое мужчина затруднялся определить. Впрочем, в эти дни, полные тревоги, он почти забыл о том, что есть и другие чувства, благодаря которым мир окрашивается в светлые тона. Может быть, потом… Потом, когда все кончится. А кончиться все должно хорошо, он был уверен.

– Мне хотелось бы узнать, насколько верны ваши сведения, – проговорил собеседник, устремив на него пытливый взор.

– Я готов рассказать вам все, что знаю, – поспешно ответил прибывший.

– Начнем с Малой Садовой. О какой именно квартире идет речь?

– Этого я пока сказать не могу. Одно знаю точно: найти ее будет легко. Это подвал, откуда заговорщики прорыли подкоп, который собираются заминировать. Для того чтобы не привлекать внимания, они сделали вид, что намерены торговать сырами.

– Хорошо, – пробормотал его собеседник, – очень хорошо. А что-нибудь еще вам известно?

Мужчина немного подумал.

– В подвале должны проживать двое – человек, похожий на купца, и особа, которая выдает себя за его жену. Их имена, к несчастью, мне неизвестны. Если я их узнаю…

– Хм, – задумчиво протянул его собеседник, – вряд ли это что-то изменит. Как я полагаю, они все равно поселились по подложным бумагам… А что с Екатерининским каналом?

Посетитель глубоко вздохнул и начал объяснять:

– Если карета отправится через канал… Там поворот, и кучеру придется придержать лошадей, те пойдут почти шагом… Тогда они и начнут бросать бомбы. Число убийц пока мне неизвестно, но, скорее всего, их будет не менее трех… Если бомбы не сработают или император не пострадает, заговорщики решили, что еще один из них будет стоять с кинжалом наготове. Этот человек должен будет броситься к карете и заколоть его величество.

– Равальяк, – усмехнулся собеседник.

– Что, простите? – удивленно вскинулся прибывший.

– Так Равальяк заколол когда-то Генриха IV, французского короля, – пояснил человек в комнате, иронически улыбаясь. – Похоже, наши господа учитывают уроки истории, вам не кажется? Хотя у Равальяка не было ни бомб, ни динамита…

– Безумцев необходимо остановить, – прошептал посетитель.

Беспокойство, внезапно понял он, вот какое чувство тяготило его сейчас. Тяготило настолько, что хотелось поскорее уйти из этого дома, уйти и не видеть пыльную скатерть на столе, часы, которые давно не заводили, старую мебель и умные глаза собеседника, сидящего напротив. За окнами прогрохотала карета, и осведомитель невольно поежился.

– Нам нужны имена и адреса, – сказал ожидавший его здесь человек. – Вы их знаете?

– Да, знаю, – хрипло проговорил мужчина. – Не всех, но многих. И самое отвратительное, что среди них есть и женщины.

– Мы о них позаботимся, – улыбнулся собеседник. – Как и о вас…

Ничего не понимая, прибывший поднял глаза – и успел заметить боковым зрением метнувшуюся к нему тень. Осведомитель вскочил с места, однако было уже поздно. Тугая петля охватила его горло и стала душить.

Человек в комнате равнодушно отвел взор. За окном проехала еще одна карета. Мимо окна промелькнуло что-то белое – это с крыши покатился пласт снега. Ком рухнул в сугроб, взметая снежную пыль, и только тогда осведомитель обмяк в руках того, кто душил его.

– Готов, – доложил убийца, опуская труп на пол.

Не глядя на тело, нелепо распростертое на полу, незнакомец, сидевший за столом, поднялся и сделал шаг к двери. Он знал, что эта жертва необходима для блага его дела, но все равно ему было немного не по себе. Как, впрочем, знал и то, что уже назавтра думать забудет о человеке, вверившем ему свою жизнь, – о человеке, которого он так страшно и так обыденно предал.

– Убери его вниз, – распорядился незнакомец на прощание. – Ни к чему ему оставаться здесь. Потом увези куда хочешь, лишь бы подальше отсюда.

Он кивнул убийце, и дверь за ним захлопнулась.

Глава 1
Нить судьбы

– Эй, красавчик, хочешь погадаю?

Александр Корф остановился.

Перед ним, упершись кулаком в бок, стояла молодая цыганка в широкой шубе, явно сшитой на кого-то другого, кто был раза в два, а то и три крупнее нынешней хозяйки. Из-под шубы виднелись край пестрой юбки, расшитой нестерпимо яркими цветами, и красные стоптанные сапожки. Верхняя пуговица шубы, несмотря на мороз, была расстегнута, и Александр видел, как сверкают на голой смуглой шее ожерелья, унизанные монетками, и тяжелые золотые цепи. Мех шубы был косматый, кое-где уже порядком вытертый. Похоже, шубу сшили из шкуры волка, и, судя по всему, зверь успел на своем веку порядочно побегать, прежде чем получил справедливое воздаяние за украденных овец и задушенных ягнят. Впрочем, возможно, бегать пришлось вовсе не ему, а хозяйке шубы, которая как раз в это мгновение стояла, нахально скаля зубы, и рассматривала Александра с неподдельным интересом.

– Так как, красавчик?

Если Александр и ненавидел что-то больше всего на свете, то именно фамильярность и разговоры о его внешности, в которой сам не видел ничего особенного. Он смерил нахалку ледяным взором и собрался продолжить свой путь. Но избавиться от цыганки оказалось не так-то просто. По блеску его глаз та тотчас же поняла, что совершила ошибку, и приняла самый покорный, самый подобострастный вид.

– Господин офице-ер! – жалобно, нараспев протянула она.

Александр сделал два или три шага прочь, однако цыганка забежала вперед и сделала такое движение, словно намеревалась схватить его за рукав. После фамильярности и разговоров о внешности Александр больше всего не терпел, чтобы его трогали незнакомые люди, и поэтому вновь остановился.

– Господин офицер, – горячо зашептала цыганка, заглядывая ему в глаза, – позвольте вам погадать… пожалте ручку…

Она говорила еще что-то, обычные слова, какими зазывают прохожих ее соплеменницы, и едва не взяла его за руку, но Александр отстранился.

– Тебе нужен мой кошелек? – напрямик спросил он.

Цыганка приняла обиженный вид.

– Господин офицер! Ну что ж такое… такой красивый господин… Ну зачем напраслину-то взводить? Мы люди честные… и гордые…

Каждое новое слово было вызовом здравому смыслу. Гадалка, очевидно, почувствовала это и тряхнула головой так, что зазвенели сережки в ушах.

– Я и без денег могу сказать, что тебя ждет, – сказала цыганка неожиданно, с острым любопытством всматриваясь в его лицо. – Ты кого-то потерял.

– Никого я не терял, – равнодушно откликнулся Александр.

– Но то, что ты найдешь, гораздо лучше, – добавила цыганка. – Ты сегодня встретишь свою жену.

Александр усмехнулся. Как, оказывается, просто открывался ларчик: на самом деле «великая предсказательница» прекрасно осведомлена о его жизни и, уж конечно, не оставила без внимания тот факт, что он помолвлен с княжной Гагариной. Кроме того, как раз сегодня Александр зван в дом к ее родителям, где наверняка должен встретить свою невесту.

– И это все? – иронически спросил он. – Я-то думал, ты мне что-нибудь поинтереснее расскажешь. О том, что я женюсь, мне уже давно известно, представь себе!

И, смерив горе-предсказательницу насмешливым взглядом, шагнул прочь.

– Постой! – крикнула цыганка вдогонку. – Туча за тобой ходит… черная-черная! Опасность тебе угрожает, понимаешь? Большая опасность!

Судя по всему, гадалка поняла, что ее раскусили, и решила действовать иначе: нагнать страху. Александр обернулся.

– Что, это и есть твое предсказание? – задорно воскликнул он. – Глупая ты! Радость надо предсказывать. И счастье. А за несчастья, которые мне угрожают, я не дам ни гроша. И никто другой не даст!

И, посмеиваясь, Александр удалился. Цыганка топнула ногой и обескураженно посмотрела ему вслед. Но тут заприметила молодого человека, по виду явно не бедствующего чиновника, и, звеня сережками, бросилась на штурм.

– Господин! Дозвольте погадать!

А барон Александр Корф тем временем продолжил свой путь и вскоре был уже возле Зимнего дворца. Золотисто-розовый[1] дворец с белыми колоннами блестел в свете февральского солнца и был так хорош, так ослепителен, что Александр окончательно уверился в том, что все предсказания на свете – чепуха, а предсказатели и того хуже.

Взглянув на часы, он убедился, что до его смены остался еще час с лишним, и совершенно успокоился. От природы Александр был пунктуален и не любил опаздывать куда бы то ни было, пусть даже и на службу, которая для людей его круга являлась чистой формальностью.

Часовой отдал ему честь, и барон Корф, миновав ворота, оказался во внутреннем дворе, где стояло несколько карет с гербами на дверцах, суетились лакеи и притоптывали на месте кучера, которые озябли, поджидая хозяев. Из ноздрей лошадей шел пар, благородные животные перебирали ногами и шумно вздыхали.

Александр по привычке скользнул взглядом по гербам на дверцах, тотчас же определил, кто и, возможно, зачем наведался сегодня во дворец. Карета князя Репнина – это, наверное, старая княгиня приехала просить о месте фрейлины для своей некрасивой незамужней дочери. А вот карета графа Панина, сын которого недавно проигрался в пух и прах… Но, уж конечно, не из-за этого граф явился ко двору, а потому, что молодой повеса вдобавок ко всему ухитрился жениться не понять на ком. Чуть ли не на дочке трактирщицы, да-с! Скандал в обществе разгорелся нешуточный, и государь запретил молодому графу показываться ему на глаза. Хотя сам император Александр II, если вдуматься, тоже не без греха. Еще при жизни императрицы Марии сошелся с княжной Долгорукой и детей от нее прижил, а едва жена закрыла глаза, тайно женился на любовнице. А вот карета действительного тайного советника Волынского – настолько тайного, что никто, собственно, не знал, для чего он занимает столь высокое место[2]. Интересно, зачем старый лис явился сегодня во дворец? Уж не готовится ли в Европе очередная война?

– Все спокойно? – спросил Александр у очередного часового, который охранял вход в здание дворца.

– Так точно, ваше благородие, – отвечал тот.

Когда барон вошел внутрь, настенные часы начали бить – и умолкли. Мимо прошмыгнул старый лакей с поджатыми губами, который нес поднос с пустыми чашками, другой лакей помог снять шинель. Скрипнула дверь, потом еще одна. Какой-то генерал…

---

[1] Первоначальная окраска дворца, которую можно видеть на картинах XIX века. В настоящее время дворец окрашен в зеленый цвет, который ему не идет. (*Здесь и далее – примечания автора*.)

[2] Действительный тайный советник – чин II класса, один из высших чинов Российской империи.

– А, Александр Михайлович! Как здоровье вашего батюшки?

Барон Корф нахмурился… Еще он не любил досужие расспросы, до которых особенно охочи женщины. Но, бывает, и старые военные тоже дают маху. Что им за дело до его отца? В отставке, скрипит себе помаленьку на пенсии в своем имении недалеко от Петергофа. Скучный человек, хоть и генерал, да и всегда был таким. Ну кому он нужен, в самом деле?

Но Александр был, помимо всего прочего, и хорошим сыном. И поэтому почтительно ответил, что отец находится в имении, много гуляет, думает написать мемуары (старший Корф думал их написать уже лет десять, не меньше, но так и не сочинил ни строчки).

– Горюет небось по прежним-то временам, – вздохнул случайный собеседник.

Молодой человек мог ему ответить, что генерал Корф так устроен, что не горюет решительно ни по чему на свете. Сколько Александр помнил отца, тот всегда мог отлично устроиться в любых обстоятельствах, после чего благополучно забывал обо всем, что находилось за пределами его маленького мирка. Сам Александр данного качества был начисто лишен.

– Простите, Василий Андреевич, дела…

В тоне его при желании можно было прочитать: да, горюет генерал Корф, что остался не у дел, но сын ни за что этого не признает. И собеседник его невольно укрепился в мысли, что генералу Корфу чертовски повезло с сыном – прекрасно воспитанный молодой человек, и невеста у него достойная, деньги не проматывает, ни в каких скандальных историях не замечен…

– До свидания, юноша. Батюшке мой привет передавайте!

Александр покинул словоохотливого генерала и собирался уже юркнуть на боковую лестницу, которая вела прямиком в служебные покои, где можно было без помех передохнуть, почитать книгу или написать письмо. Однако своим острым взором увидел, что сверху по заветной лесенке идут еще двое бывших сослуживцев его отца. Молодой человек облился холодным потом, поняв, что ему вновь придется рассказывать про мемуары и превосходное здоровье батюшки, а потому быстрым шагом удалился. В конце концов, в покои можно пройти и иным путем.

Он миновал анфиладу комнат, где на стенах висели портреты государей и в лучах февральского солнца тускло поблескивала пыльная позолота, и вышел к другой лестнице. Здесь генералов уже не было, зато нашлось кое-что поинтереснее.

Вниз по ступенькам спускалась девушка, тоненькая, белокурая и прелестная. Судя по всему, она находилась в превосходном расположении духа, потому что ее лицо сияло, а губы улыбались, и при взгляде на эту улыбку вас так и подмывало улыбнуться в ответ. Следом за девушкой, почтительно отставая от нее на пару ступеней, двигался дворцовый лакей Козьма, и если обычно он подагрически топал ногами, то сейчас скользил неслышно, как балерина.

– Сюда, сударыня, – прошелестел он учтиво. Похоже было на то, что Козьму приставили к незнакомке, дабы та не заблудилась.

Девушка подняла голову и увидела, что навстречу ей поднимается молодой офицер, красивый, но до невозможности надутый и деревянный, как какой-нибудь англичанин. По крайней мере, здесь, на мраморной дворцовой лестнице, он производил именно такое впечатление.

Девушка прошла мимо, не удержавшись, впрочем, от улыбки, – настолько нелепым и чопорным ей показался офицер. А через несколько ступеней и вовсе забыла о нем.

Что же до Александра, то он видел следующее.

Девушка, которую молодой барон Корф никогда прежде не встречал во дворце, выскользнула из-за поворота лестницы. Незнакомку сопровождала какая-то тень в одежде лакея, но в то мгновение Александр вовсе не обратил на это внимания.

Незнакомка подняла голову, и из-под черных ресниц прямо ему в душу посмотрели карие глаза. В следующее мгновение в глазах заплясали смешинки, похожие на золотистые

озорные огонечки, и с Александром произошло то, что вообще-то очень редко с ним случалось, – он смутился. Но у него все же хватило такта, чтобы посторониться, пропуская девушку.

Сверкнув глазами и улыбнувшись, та прошелестела платьем мимо и скрылась из виду в сопровождении лакея. И никто тогда не подозревал – ни девушка, ни Александр, ни даже цыганка с площади, – что этот взгляд, первый, которым они обменялись, останется с ним на всю жизнь и проследует за ним отсюда, из мраморно-золотого великолепия Зимнего дворца, через годы до самого конца – до чужого и чуждого Константинополя, где он будет умирать.

Глава 2
Нефритовый чертог

– Амалия Константиновна!

– Амалия!

– Племянница!

Горничная Даша всплескивает руками, мать всхлипывает и подносит к глазам уголок платка, дядюшка Казимир сияет, как фальшивая монета.

– Вернулась!

– Вернулась!

– Ах, моя дорогая! – И мать от избытка чувств заключает дочь в объятия, впрочем, стараясь при этом не помять ни ее, ни свое платья.

– Яков, вноси вещи… – распоряжается девушка. – Дядюшка! Вы бы помогли ему…

Все кончено, теперь она дома. Впрочем, дома ли? Унылое петербургское съемное жилье, окна смотрят во двор-колодец, а лестничная клетка так узка, что в голову невольно закрадываются мысли о самоубийстве. Денег в семье нет, нет совершенно, а тут еще дядюшка, который не привык ни в чем себе отказывать… Ну, ничего, она привезла хорошие новости, и отныне все будет совсем иначе.

– Тебя так долго не было! – сетует мать, заглядывая ей в глаза.

– Я послала вам телеграмму из Нью-Йорка. Разве вы ее не получили?

Нет, не получили. И мать, Аделаида Станиславовна, запинаясь, объясняет, что это же другая квартира… они ведь переехали – там, где жили раньше, плата была очень высока, и вот теперь…

Теперь кто-то начинает барабанить в дверь. И прорывается в дом, несмотря на то, что старый слуга Яков пытался не впустить незваного гостя. Впрочем, это вовсе не гость, а хозяин той квартиры, которую раньше снимала семья Амалии. Оказывается, что ее домочадцы банально сбежали оттуда, не заплатив.

Бывший домовладелец потрясает кулаком, грозит судом и кричит, что не позволит обирать честных людей. Судя по трем подбородкам и ширине его лица, честность вряд ли ему грозит, так что непонятно, ради кого он хлопочет.

Дядя Казимир, как всегда в щекотливых ситуациях, куда-то исчезает. Нет, он по-прежнему находится в комнате, но его не видно и не слышно точно так же, как если бы он укрылся под шапкой-невидимкой. Аделаида Станиславовна бледнеет. Вот, нате вам, – только что вернулась любимая дочь, и сразу же такое…

Но любимая дочь зовет горничную Дашу, та приносит сумку, из сумки вынимается новехонький бумажник русской кожи, а из бумажника – пачка денег.

– Мы вам должны, милостивый государь? Сколько?

Милостивый государь давится гневной тирадой. Глаза милостивого государя подергиваются масленой пленкой. Он потирает руки, бормочет, кланяется, просит прощения, мол, и в мыслях не имел никого обидеть. Еще три рубля и 10 копеек… Ах, теперь мы полностью в расчете! Позвольте ручку, сударыня… Если угодно, у него есть другие квартиры… Но Амалия обрывает его.

– Яков, проводи гостя!

И старый слуга с чувством огромного удовлетворения провожает домовладельца до дверей. Амалия оглядывается. Мебель старая, из обивки торчат лохматые нитки, потолок в трещинах… В душу закрадывается тоска.

Разве таким должен быть родной дом? Да и не дом никакой это вовсе, а так, скорлупа непонятно чьего существования, в которую они угодили по прихоти судьбы.

– Мы должны переехать отсюда, – объявляет Амалия. – Только сначала рассчитаемся со всеми…

Дядюшка Казимир издает какой-то булькающий звук. Но сестра опережает его.

– Моя дорогая… – осторожно спрашивает Аделаида Станиславовна, заглядывая дочери в глаза. – У тебя по-явились деньги? Откуда?

– Неважно, – отмахивается Амалия. – Главное, что они у нас теперь есть.

Мать морщит лоб. Спрашивает не совсем уверенно:

– Тебе заплатили в твоей… особой службе?

Амалия вздыхает. Ну да, есть такая служба, которая занимается… прямо скажем, особыми делами. Шпионажем, к примеру. Или другими, не менее интересными вещами. Сама Амалия попала туда совершенно случайно, разоблачив великосветского убийцу. Тогда девушке казалось, что ей предстоят захватывающие дух приключения, а вместо этого пришлось искать по всему свету картину Леонардо да Винчи, которую один мошенник продал сразу множеству государей, в том числе российскому императору. Картину Амалия нашла, а заодно и кое-какие другие картины того самого мошенника. И, поскольку никто ей не сказал, что делать с остальными картинами (а она, по правде говоря, и не спрашивала), перед возвращением на родину та их заложила. Впрочем, с возвращением пришлось повременить, потому что Амалия на несколько недель задержалась в Америке, и вот тут на нее обрушилось столько приключений, сколько иному здравомыслящему человеку хватило бы на всю жизнь[3].

– Это долгая история, – наконец говорит Амалия матери и глубоко вздыхает. – Очень долгая. Завтра мне надо ехать во дворец. А пока я хотела бы принять ванну. Даша! Я привезла из Парижа новые платья, одно из них, светлого шелка, подойдет для завтрашней поездки… Надо будет только кое-где его подогнать.

Амалия улыбается, распоряжается, дает денег Якову, чтобы тот купил еды, раздает привезенные подарки, и весь крошечный мир, состоящий из четырех человек, начинает вертеться вокруг нее. И у Амалии странное чувство – словно она маленькая девочка, а играет во взрослую, и все ей поддакивают, все ее слушаются. И даже дядя Казимир только что торжественно поклялся, что больше никогда не будет играть в карты. Впрочем, подобные клятвы он и раньше давал чуть ли не каждый божий день.

– Мама, я так понимаю, что слугам мы тоже задолжали? – спрашивает Амалия вполголоса.

И тут же, на месте, вручает жалованье Даше и Якову. И не только за прошлые два месяца, но и за месяц вперед.

Даша вспыхивает как маков цвет и приседает.

– Ты меня выручила, – шепотом по-польски говорит Аделаида Станиславовна дочери. – У нас совсем дела были плохи… и она еще отказывалась брать… Золотая девушка! А мне было неудобно, ты же понимаешь… У нее ведь поклонник объявился. Ну куда это годится, чтобы девушка совсем без денег была!

– Что за поклонник? – спрашивает Амалия.

– Студент! – Аделаида Станиславовна делает большие глаза.

– Вот как? А она знает, что студентам запрещено жениться?

[3] Обо всех этих событиях рассказывается в романах «Отравленная маска», «В поисках Леонардо» и «Леди и одинокий стрелок». – Издательство «Эксмо».

В Российской империи с учебой дело обстояло строго. Власти (надо признать, не без основания) предполагали, что ученье и семейная жизнь – две вещи несовместные, как гений и злодейство. Да-да, господа, будьте так добры, сначала одно, а потом другое…

– Конечно, знает, – говорит Аделаида Станиславовна. – Да он и не скрывал. Очень, очень приличный молодой человек. И Даша ему нравится, по всему видно, нравится. По-моему, у него серьезные намерения.

– Это хорошо, – роняет Амалия.

От горячей ванны по всему телу волнами расходится тепло. На кухне что-то сладострастно шкворчит, и оттуда доносятся восхитительные запахи. Да уж, их Даша – настоящее сокровище, даром что совсем молодая…

Дзынь – напоминают о себе часы в форме лиры на мраморной подставке. Амалия бросает на них рассеянный взгляд. Часы Аделаида Станиславовна всюду умудряется возить с собой, куда бы семья ни переезжала. Они старые, эпохи не то Людовика XV, не то Людовика XVI, и вроде бы даже не слишком красивые, но это одна из вещей, которая прилепилась к ним и упорно не хочет их покинуть. Аделаида Станиславовна уверяет, что часы принадлежали еще деду Амалии – Браницкому. Деду, у которого были такие же, как у нее, Амалии, карие глаза с золотистыми искорками.

А впрочем, какая разница, принадлежали ли часы ему или это только маленькая семейная легенда. Просто есть часы, к которым Амалия привыкла с детства. И помнила, что они стояли в комнате отца, потом перекочевали к ее брату Константину, а потом… Потом и брат, совсем молодой человек, и отец умерли от чахотки. Тогда-то для семьи настали трудные времена.

Однако часы остались. И там, где эти часы, – ее дом.

Вокруг часов и надо выстроить новый дом. Где будет место и для нее, и для матери, и для Даши с Яковом, и – так уж и быть – для вечно холостого дядюшки, привычной обузы семьи.

Дядюшка Казимир семенит по квартире на цыпочках, и глаза у него – как у преданной собаки. Привычная обуза семьи далеко не глуп, и сейчас он нутром чует благоприятную перемену в своей судьбе. Раньше Казимир был уверен, что charmante Am élie[4] сделает блестящую партию и все их проблемы разрешатся сами собой. Блестящей партии не получилось, зато подвернулась какая-то особая служба с секретными заданиями, и после первого же из них ch ère ni èce[5] вернулась с кучей денег. О том, что будет, к примеру, после двадцатого задания, дядюшка боялся и помыслить. Он мог только подозревать, что семья будет жить в нефритовом чертоге и ходить по золотым полам.

По природе дядюшка Казимир принадлежал к той категории людей, которых принято называть никчемными, потому что они нигде не служат, ничего ровным счетом не делают и всю жизнь посвящают удовлетворению своих прихотей. Таких прихотей у дядюшки набралось три основных – не считая трехсот мелких. К основным стоит отнести то, что он любил перекинуться в картишки, был не дурак выпить и не оставлял своим вниманием прекрасный пол – вплоть до того момента, когда надо было решаться на большее и идти к алтарю. Однако дядюшка Казимир, с виду такой безобидный, добродушный и слабохарактерный, проявлял недюжинную изворотливость, чтобы не довести дело до последнего. Больше всего на свете он боялся двух вещей: оказаться женатым и умереть в богадельне. Впрочем, Казимир обыкновенно затруднялся объяснить, связаны ли эти два опасения между собою или беспокоят его независимо друг от друга.

---

[4] Очаровательная Амалия (*франц.*).

[5] Дорогая племянница (*франц.*).

Со всей прямотой своих восемнадцати лет Амалия дядюшку не любила и неоднократно давала ему это понять. Однако дядюшка Казимир чувствовал себя под защитой сестры, которая души в нем не чаяла, и потому мог не обращать внимания на отношение к нему племянницы.

Кроме того, Казимир вообще по натуре был необидчив. Позолоченный портсигар, который племянница привезла ему из Парижа, он принял с такими изъявлениями восторга, что Амалия почувствовала укол совести из-за того, что могла купить портсигар из цельного золота, но не стала этого делать, ограничившись позолоченным.

– У меня для вас, дядюшка, будет задание, – сказала она.

Казимир приосанился.

– Нам нужна хорошая квартира, – пояснила Амалия. – И вы поможете мне ее найти. Потом мы наймем кухарку и горничную для маман, потому что Даша ведь не может одна со всем справляться.

Казимир немного подумал.

– Тогда мне нужен новый костюм, чтобы разговаривать с домовладельцами, – с апломбом объявил он. – И запонки. Лучше аметистовые. Да!

– Дядюшка!

– Если я явлюсь снимать квартиру в этом, – бойко ответил Казимир, указав на свой видавший виды сюртук и сделав плачущее лицо, – меня даже на порог не пустят.

Амалия мрачно посмотрела на него и с некоторым вызовом в голосе спросила:

– Надеюсь, больше вам ничего не нужно?

– Нужно, – тотчас же нашелся дядюшка. – Мне нужны новая шуба, ботинки и трость. И разные предметы туалета, о которых я не смею распространяться при дамах. К шубе необходима шапка из того же меха. И часы.

– К шубе?

– Нет, – обиженно отозвался Казимир, – обычные, чтобы с собой носить.

– Дядя, но у вас же были часы!

– Мы их продали, – вмешалась Аделаида Станиславовна.

Словом, сразу же и вдруг понадобилась тысяча вещей. Прыткий Казимир, пользуясь моментом, потребовал себе целый гардероб. Аделаида Станиславовна была куда скромнее, но Амалия уже про себя решила, что закажет ей платья у лучших петербургских портних.

– Яков, – скомандовала Аделаида Станиславовна, – неси шампанское!

– Это в честь моего возвращения? – спросила девушка с улыбкой.

– В честь твоего дня рождения, – отозвалась мать. – Хотя 22 февраля уже прошло, но все же…

Несколько дней назад у Амалии случился день рождения, но тогда она еще находилась в дороге. Аделаида Станиславовна крепко обняла дочь и сунула ей в руку пакет. Внутри оказались красивая старинная шкатулка, отделанная перламутром, и вышитые платки. Амалия представила, как мать сидела под лампой, вышивая их, и у нее сжалось сердце… Ведь она могла и не вернуться сюда! Передряги, в которых она побывала, нередко таили для ее жизни настоящую опасность!

– А ты немножечко загорела, – сказала Аделаида Станиславовна, вглядываясь в лицо дочери. Загар в те годы был совершенно не в моде и считался под стать разве что горничным, и то не самым лучшим. – Неужели в Америке такое яркое солнце?

– Да, кое-где, – пробормотала девушка. Чем дальше, тем меньше ей хотелось рассказывать о своих приключениях.

– Ты болела? – настойчиво продолжала мать. – Ты же остригла волосы, я вижу.

Амалия покраснела. Нет, ни за что она им не расскажет, почему так загорела и зачем ей пришлось отрезать волосы!

– Пустяки, буду носить накладку[6] из волос, пока новые не отрастут, – объявила девушка.

– Ты не кашляешь? – Аделаида Станиславовна по-настоящему встревожилась.

– Нет, нет, мама, что ты!

Тут вмешался Казимир и весьма кстати предложил тост за именинницу. А потом еще один, так что необходимость отвечать на неприятные вопросы отпала сама собой.

– Может быть, еще бутылочку? – предложил дядюшка, глядя на женщин умильным взором.

– Только без меня, – отозвалась Амалия. – Мне завтра во дворец.

– Ты увидишь императора? – загорелась Аделаида Станиславовна.

– Может быть. Если он захочет посмотреть картину. Господин Волынский ничего не может обещать.

– То светлое платье, которое ты выбрала, тебе очень идет, – сказала мать. Тут ее осенило. – Если ты увидишь императора, то ведь можешь попросить у него места при дворе?

– Зачем? – с неудовольствием спросила Амалия.

– При дворе же быть куда почетнее, чем в этой твоей особой службе, – бесхитростно объяснила Аделаида Станиславовна. – Ты на несколько месяцев уехала далеко от дома, мы ужасно волновались… А так – находилась бы рядом, и нам стало бы спокойнее. Была бы фрейлиной жены наследника, к примеру…

Казимир поперхнулся. Даже в самых смелых мечтах он не мог себе представить, чтобы их племянница оказалась при дворе, но для сестры, судя по всему, не было ничего невозможного.

– Нет, – заявила Амалия твердо, – я не буду ни о чем просить.

– И правильно, – поддержал ее Казимир, чтобы хоть как-то отработать новый гардероб. – Зачем просить о том, в чем точно откажут?

– Казимир!

– С наполовину польской родословной – конечно, откажут.

Польша в то время входила в состав Российской империи и не доставляла царям ничего, кроме головной боли.

– Не наполовину, а меньше, – поправила брата Аделаида Станиславовна. – Один наш дед – француз, а бабушка – из немецких Мейссенов. Другой дед, хоть и Браницкий, в Польше почти не жил. И жена у него, насколько помню, тоже была немка.

– Адочка, не сердись, – сказал Казимир, целуя руку сестре, – но вряд ли кто-то захочет входить в такие тонкости. – Он вздохнул. – А вообще получается, что я наполовину немец? Странно! Сколько я ни учил этот язык, он мне не давался. Зато француженки мне нравятся.

– По-моему, Казимир, тебе нравятся все! – с неудовольствием заметила Аделаида Станиславовна, отнимая руку. – Я жду не дождусь, когда же ты наконец женишься!

Казимир вытаращил глаза и схватился за бутылку, словно она одна могла спасти его от неминуемого брака.

…На следующее утро Амалия встала пораньше, примерила платье и нашла, что оно действительно очень ей идет. Кроме того, девушка совершила набег на коробку с пудрой, принадлежавшую матери, и вскоре уже ни один человек не смог бы распознать на ее лице следы недавнего загара.

Аделаида Станиславовна показала дочери, как удобнее всего прикреплять накладку на голове.

В назначенное время за Амалией заехал господин Волынский, ее начальник в особой службе, и они отправились в Зимний дворец.

---

[6] То есть шиньон.

Император и наследник пожелали лично осмотреть картину Леонардо, после чего Александр II попросил Волынского остаться, чтобы поговорить с ним наедине. Что же до Амалии, то ей выделили лакея, дабы тот проводил ее до кареты.

Спускаясь по лестнице, она увидела молодого офицера, который поднимался по ступеням ей навстречу. Офицер был хорошенький, как картинка, но при этом от него веяло ледяным холодом, который, вероятно, сам он считал признаком безукоризненных манер. Амалия едва не рассмеялась вслух – настолько комичным ей показался молодой человек. Впрочем, спустившись с лестницы, она и думать о нем забыла.

А Александр Корф, когда девушка уже прошла мимо, все стоял и смотрел ей вслед.

Глава 3
Тень смерти

«Почему она так на меня посмотрела?»

Справедливости ради следует заметить, что на Александра Корфа смотрели многие девушки, и очень многие красивые девушки, но почему-то именно взгляд незнакомки в светлом платье не давал ему покоя.

«Мы, определенно, незнакомы, иначе я вряд ли бы забыл об этом… Может быть, виделись на каком-то балу?»

Александр вспомнил оживленное лицо незнакомки, ее лучистые глаза, улыбку…

Интересно, она улыбнулась ему – или смеялась над ним? Молодой барон Корф нахохлился.

«И что она нашла во мне забавного?» – уже сердито подумал он.

На всякий случай Александр осмотрел все пуговицы, но те были на месте. Мундир, за которым ухаживал денщик Степка, тоже находился в образцовом состоянии. Александр приосанился, поймал свое отражение в зеркале на стене, показавшее ему голубоглазого красивого блондина с безупречной выправкой, и нельзя сказать, чтобы остался недоволен тем, что увидел.

Мужчины и женщины совершенно по-разному относятся к похвалам своей красоте. Если женщины от комплиментов расцветают, улыбаются и вообще чувствуют себя совершенно счастливыми, то мужчин такие отзывы в их адрес обыкновенно ставят в тупик, озадачивают и раздражают, если не сказать хуже.

С самого раннего детства, от самых разных людей Александр только и слышал:

– Ах, какой хорошенький!

– Совершенно прелестный ребенок у вас растет, Полина Сергеевна! Весь в мать!

– Такой очаровательный мальчик!

Умилялись все: горничные, няньки, лакеи, подруги матери, попутчики на железной дороге, знакомые родителей, дочери этих знакомых и даже суровые городовые. Они гладили Сашу по белокурой голове, норовили всучить ему леденцы (которые он ненавидел) или конфеты (которые еще согласен был терпеть), тискали его, сажали к себе на колени и баловали, баловали, баловали без конца.

Но если лицом Саша действительно пошел в мать-баронессу, красавицу, когда-то блиставшую при императорском дворе, то характер у него оказался совсем иной. Другой ребенок на его месте, возможно, вырос бы избалованным, испорченным, самовлюбленным нарциссом, но не таков был юный Александр.

Как уже упоминалось, он терпеть не мог упоминаний о своей внешности. Более того, любой, кто начинал знакомство с ним с комплимента его красоте, будь то даже женщина, имел все шансы никогда не стать ему другом, не говоря уже о чем-то большем.

Вот и сейчас, увидев себя в зеркале, он был доволен вовсе не собственной внешностью, а тем, что смотрится так безупречно, comme il faut[7].

Своим манерам Александр придавал большое значение. Именно ледяная неприступность помогала ему выстроить дистанцию между собой и остальными людьми с их глупыми восторгами по поводу его красоты. Благодаря этой неприступности он чувствовал себя защищенным, потому что, подобно многим замкнутым людям, плохо выносил посягательства на себя и на свой внутренний мир.

[7] Именно так, как надо (*франц.*).

Барон стряхнул с рукава какую-то пылинку, существовавшую только в его воображении, и двинулся к служебным покоям.

«Почему она все-таки на меня так смотрела?» – не удержавшись, вновь спросил он себя через несколько шагов.

Загадка не давала ему покоя, и молодой человек почти обрадовался, когда увидел, что в служебной комнате находится князь Мещерский. Хотя несколькими минутами раньше Александр предпочел бы посидеть в одиночестве, чтобы без помех сочинить письмо отцу.

– Здравствуй, Серж, – сказал он.

Князь Мещерский машинально кивнул, поправил очки и перевернул страницу. Это был кроткий, рассеянный, незлобивый юноша. Товарищи охотно подтрунивали над ним, но любили его и в случае чего всегда были готовы защитить. На шутки сослуживцев, порой грубоватые, Серж никогда не обижался, а наоборот, смеялся вместе со всеми. Сам он, насколько помнил Александр, шутил очень редко и всегда так, чтобы никого не задеть. И вообще князь принадлежал к тем людям, которые за всю жизнь не способны обидеть и муху.

– Что читаешь? – поинтересовался барон Корф, садясь напротив друга.

Прежде чем ответить, князь взглянул на обложку.

– Роман какой-то миссис Ладгроув. Тайны, похищения и готические подземелья, набитые ужасами. Уже со второй страницы понимаешь, что чепуха страшная, но написано так, что не оторваться, – промолвил он почти извиняющимся тоном. И без перехода спросил: – Ты уже был у Андрея Петровича?

– У моего крестного? – поднял брови Александр. – Нет, я видел его в среду, когда приезжал навестить Льва. А что?

По тому, как посерьезнело и без того серьезное лицо Сержа, Александр понял: произошло что-то нехорошее, и весь напрягся.

– Граф Лев умер, – тихо сказал Мещерский. – Сегодня утром.

Вот оно, значит, как… Лев Андреевич, сын сенатора Строганова, на прошлой неделе катался верхом и упал, причем очень неудачно – лошадь рухнула на него. Врачи сначала говорили, что он отделался сломанной ногой, потом, когда выяснилось, что все куда серьезнее, завели речь о повреждении позвоночника, но заявляли – ничего страшного больному не грозит.

Что там говорила цыганка о неминуемой потере? И вот – кудрявый Лев, весельчак Лев, заводила и задира, который еще в среду – боже мой, всего лишь в среду! – уверял его, Александра, что все будет хорошо, и просил передать Бетти Гагариной, что непременно стал бы танцевать с ней на балу мазурку… Ты не ревнуешь, Александр? Все-таки твоя невеста, хоть я и знаю ее с детских лет…

Но не будет ни мазурки, ни бала… Теперь бледный юноша с закрытыми глазами лежит в постели, и руки ему скрестили на груди, а возле кровати стоит гробовщик и под присмотром слуги снимает мерку с тела… И кому теперь интересно, что еще в начале года друзья звали его Леоном, на французский манер, и он всегда был душой самых дерзких выходок, самых несообразных пари…

– Ты не знал? – спросил князь.

Александр мотнул головой.

– Нет. Я ничего такого и подумать не мог! – Он закусил губу. – А что же врачи? Куда они смотрели?

– Говорят, произошло какое-то внутреннее кровоизлияние, которое они не могли предвидеть. – Приятное лицо Сержа исказилось волнением, когда он произносил эти слова. – Он ведь единственный сын был, верно?

– Единственный. И любимый, – механически ответил Александр.

У него из головы не выходило: как же так? Ведь совсем недавно он видел Льва живым, и ничто не предвещало такого страшного, такого быстротечного конца! Сын его крестного отца, близкий друг, может быть, даже ближайший, совсем молодой… Ну куда это годится?

– Мне очень жаль твоего крестного, – искренне сказал князь. – Такая потеря… ужасная… – Серж поколебался. – Послушай, ты бы не мог… когда увидишь графа Строганова, передать ему мои соболезнования? Я буду на похоронах, но если мой отец узнает, что я ходил к графу… – Молодой человек смущенно умолк.

Он мог не продолжать – Александр отлично помнил эту историю. Родители Сергея Мещерского расстались, когда мальчику было всего два года, и мать почти открыто стала жить с графом Строгановым, известным донжуаном. Последующие годы отец и мать князя были заняты тем, что с переменным успехом отвоевывали друг у друга сына, причем имели место все элементы бульварного романа: от неприкрытого шантажа до похищения ребенка. Мало того, отец Сергея еще и дрался с совратителем жены на дуэли. И не один раз, а дважды. В первый раз графу повезло, и он едва не отправил противника на небеса, но во второй раз старший Мещерский прострелил супостату ногу, и граф на всю жизнь остался хромым.

Говорили, что, ранив противника, старший Мещерский подошел к нему и, убедившись, что дуэль не может быть продолжена, сказал секунданту:

– Ce n'est qu'une jambe, quel dommage! Je préférerais un autre membre[8].

О том, какое место имел в виду Мещерский, строились различные версии, но основную, на которой почти все сошлись, можно было передавать друг другу разве что шепотом и намеками. Нет сомнений, что злопамятный князь не остановился бы и вызвал графа Строганова на дуэль в третий раз, но как раз в ту пору умерла княгиня Мещерская. Князь похоронил жену, забрал к себе сына и занялся его воспитанием, но все его усилия не смогли вытравить из памяти мальчика семейные сцены и воспоминания о домашних войнах, заложником которых он был. Если Александра выводило из себя упоминание о его внешности, то Серж вздрагивал от одного слова «семейная жизнь». Узнав, что его друг собирается жениться на княжне Елизавете Гагариной, которую все звали Бетти, Серж поздравил его, но не смог удержаться от вздоха.

– Тебе тоже пора жениться, – поддразнил его Александр. – Посмотри, сколько кругом хороших девушек! Взять хотя бы Мари Потоцкую, подругу Бетти. Или Элен Васильчикову…

– Нет, – кротко ответил Серж, – я никогда не женюсь.

И, когда Александр стал настаивать, юный Мещерский добавил:

– Тебе этого не понять – ты в детстве не видел того, что видел я[9].

Впрочем, все стародавние счеты и ссоры между представителями старшего поколения никогда не мешали молодым людям дружить. Тем более что Лев, хоть и унаследовал от отца донжуанские замашки, никогда не скрывал покровительственного отношения к своему «старику» – отношения, от которого был только шаг до пренебрежения. Со своей стороны, Сергей не настолько уважал своего деспотичного и не слишком счастливого отца, чтобы считаться с его мнением в вопросе о выборе друзей.

– Не беспокойся, я передам графу твои соболезнования, – пообещал Александр князю.

Дверь отворилась без стука, и в комнату вошел востроносый молодой человек со светлыми глазами, русыми волосами и тонкими усиками. Офицеры прекрасно знали его – это был Никита Васильчиков, их сослуживец. С видом полного изнеможения он рухнул на диван и закинул ноги на стул напротив.

– Что, тяжело? – спросил князь.

---

[8] Жаль, что это только нога. Я-то метил в другое место (*франц.*).

[9] О том, выполнил ли князь Мещерский свое обещание, можно прочитать в рассказе «Белая сирень в декабре». – Издательство «Эксмо».

– Я *ей* не нравлюсь, – трагическим шепотом ответил Никита.

Словами «она» и «эта» офицеры обыкновенно обозначали новую жену императора, которую во дворце дружно не любили. Трудно через столько лет понять причины подобного отношения, тем более что княгиня Юрьевская держалась ровно и старалась никого не задевать, однако факт остается фактом. Возможно, что в среде, насквозь пропитанной духом снобизма, княгиня казалась тем самым сверчком, который не пожелал знать свой шесток и занял место, которое ему вовсе неподобало. А возможно, дело в том, что император и его вторая жена были абсолютно счастливы, а счастье обладает одной жестокой особенностью – вызывает к себе ненависть тех, кто не может его разделить.

– Три раза гоняла меня сегодня за каплями, – продолжал Никита, иронически покривив рот. – Изволила сделать мне выговор за нерасторопность и за то, что я принес не то, что надо. В конце концов, я разозлился и едва не сказал, что я не прислуга.

– Тогда тебе пришлось бы попрощаться со службой, – хмыкнул Александр.

Никита встревоженно взглянул на него.

– Да, кого-то из наших недавно попросили из дворца, потому что непочтительно с *ней* разговаривал, – подтвердил Мещерский. – Бутурлина, кажется.

– Ну это же черт знает что такое! – вскинулся Никита. – Я дворянин, в конце концов! Мне что, теперь век у *этой* быть на побегушках? И чем *ей* плох Козьма, к примеру? Да и горничные у *нее* тоже имеются!

Едва он произнес имя лакея, как Александр кое-что вспомнил и потянулся к звонку.

– Чего изволите? – спросил денщик Степка, просовывая в дверь свою лохматую голову.

– Ты Козьму знаешь?

– Как же не знать!

– Тогда спроси у него, что за барышню он провожал, когда я их встретил. Полчаса назад, не больше.

– Слушаюсь! – Степка исчез.

– Ба-арышню? – протянул Никита. – А у нее есть подруга для меня? А еще говорят, что барон скоро женится!

Он засмеялся, но Серж не последовал его примеру, по лицу Александра поняв, что тому не понравилось замечание Васильчикова.

– Ты слышал про Льва? – внезапно спросил Никита, перестав смеяться.

Александр хмуро кивнул.

– Я пришел утром его навестить, а он уже… – Васильчиков запнулся и не стал оканчивать фразу. – Я поднялся к графу. Никогда не думал, что все так будет… что мне придется выражать свои соболезнования. Мы же все были уверены, что Леон поправится!

– Ты видел Андрея Петровича? Как он? – спросил Александр.

– Постарел на глазах. По-моему, это большой для него удар.

«А ведь я мог оказаться на месте Льва», – внезапно понял барон Корф, вспомнив лошадь, с которой тот упал. Они ведь вдвоем к ней присматривались, прежде чем купить, и Александр отступил лишь потому, что ему не понравилось пятнышко на ноге грациозного животного. Лошадь досталась Льву, и Льву досталась смерть.

– А что теперь будет с лошадью? – подал голос Серж.

– Ну, ты же знаешь – лошадь, из-за которой погиб владелец, в живых не оставляют, – пожал плечами Никита.

– Знаю. Но все равно считаю, что это жестоко, – с непривычной для него решительностью сказал князь.

Дверь приотворилась, в комнату заглянул Степка.

– Разрешите доложить? – спросил плут, весело блестя глазами.

– Разрешаю, – отозвался Александр.

Денщик целиком протиснулся в дверь и прочистил горло.

– Кхм… Так вот, барышню зовут Амалия Тамарина. Приехала во дворец в сопровождении действительного тайного советника Волынского. Привезла…

– Как-как? – болезненно переспросил Александр.

Степка на всякий случай вытянулся в струнку и удивленно воззрился на него, не понимая, в чем дело.

– Тамарина, Тамарина… – задумчиво повторил Серж. – Ага, я вспомнил. Та самая, из-за которой приключилась темная история?

– Погиб князь Орест Рокотов, а граф Полонский остался инвалидом, – подхватил всезнающий Никита. – Причем я видел графа, и он до сих пор отказывается говорить, что же там произошло.

– Орест ранил Полонского, а сам застрелился, – отрезал Александр. – Вот что там произошло, прекрасно всем известно. И все случилось из-за этой…

Он хотел сказать грубость, но вдруг опомнился.

– Странно, что такую особу вообще пустили во дворец, – заметил Никита. – Насколько мне известно, ее семья – полное ничтожество.

Апломб, с коим молодой человек произнес последние слова, подразумевал у него самого как минимум княжеский титул и происхождение от Рюриковичей. Однако справедливости ради следует заметить, что Васильчиков не мог похвастаться ни тем, ни другим. Его отец с трудом дослужился до генерал-майора и рано спился, а мать (что Никита тщательно, но тщетно скрывал) была подвержена припадкам сумасшествия и содержалась под постоянным присмотром. Доходов с крошечного имения едва хватало молодому офицеру и его сестре Елене на жизнь, а о том, чтобы сравниться с Корфом или Мещерским, он и вовсе не мечтал.

– С ее стороны большая дерзость – являться туда, где Орест служил и где у него осталось столько друзей, – раздраженно сказал Александр.

– Ты ведь секундантом у него был однажды? – напомнил Серж. – Вас обоих за это чуть не разжаловали.

– А, пустяки, – отмахнулся барон.

Александр наконец-то приискал подходящее объяснение улыбке незнакомки: вызов. Ну, конечно же, та знала, кто он такой, и потому так вызывающе улыбнулась, проходя мимо. И молодой человек решил в глубине души, что просто так ей этого не спустит.

Неизвестно, впрочем, что бы он предпринял, если бы знал правду. А именно, что Амалии Тамариной в тот миг и сам случайно встреченный на дворцовой лестнице офицер, и его решение были совершенно безразличны. Девушка была занята куда более важным делом: выбирала дом.

Глава 4
Приятные хлопоты

– Дядюшка!

– Сейчас, сейчас, еще минуточку…

– Дядюшка, идем!

– Подожди, племянница. Никуда твоя квартира от нас не убежит, слово дворянина!

Амалия топнула ногой и досадливо прикусила губу. Стоит один раз пойти на поводу у дядюшки, и все – пиши пропало. А ведь они зашли к портному лишь на полчасика.

Полчасика растянулись до часа, потом до двух, потому что портной попался знающий свое дело, то есть такой, к которому вы зайдете за галстуком, а выйдете с тремя платьями для жены, турнюром для свояченицы, пятью костюмами и фрачной парой лично для вас, и это не считая мелочей вроде блузок, сорочек и нижних юбок.

Словом, Казимир по всем признакам пал жертвой властелина иголки и наперстка. Он едва не заказал себе костюм из темной ткани, потом передумал и стал склоняться к серому цвету, затем вспомнил про бледно-бледно-бирюзовый, который чертовски к лицу некоторым мужчинам. Разумеется, к числу именно таковых мужчин маленький да кругленький Казимир себя и относил.

Время шло, Амалия теряла терпение, а портной, напротив, терпеливо ждал. Дядюшка как раз рассматривал черную ткань в полоску и вслух рассуждал, что черное ему не идет, хотя дамы не раз ему говорили, что идет. Но ведь в таком деле ни в чем нельзя быть уверенным, n'est, c'est pas?[10]

– А что там за вывеска напротив? – как бы между прочим поинтересовался Казимир.

Хозяин презрительно ответил, что напротив расположился его соотечественник-француз, тоже портной, но шить ему можно разве что чепчики для кукол, потому что все остальное он безнадежно портит.

– Да что вы! – воскликнул Казимир. – Надо будет непременно к нему зайти.

Так ничего и не заказав, он потянул Амалию к выходу. Однако хозяин преградил им путь и, тяжко вздохнув, посулил клиенту солидную скидку, если тот закажет у него хотя бы один костюм.

– Ты не умеешь торговаться, племянница, – философствовал дядюшка, когда они наконец покончили с заказом и портной поклялся, что те два костюма, которые выбрал Казимир, будут сидеть на нем как на короле. – Зайти в магазин, выбрать, расплатиться – что может быть вульгарнее! Покупать надо с умом. К примеру, на женщин почему-то благотворно действует польский акцент. И я…

– То-то я удивляюсь, что вы говорите то с акцентом, то без него, – съязвила Амалия. – Извозчик! На Невский!

– Мне еще нужна шуба, – напомнил Казимир. – И запонки. И…

– Шуба и запонки только после того, как мы снимем хорошее жилье, – твердо заявила его племянница.

– Ну что ж, пожалуйста, – смиренно откликнулся дядюшка и демонстративно покашлял. – Но помни, если я простужусь в моей нынешней шубе и умру, моя смерть останется на твоей совести.

– Интересно, а без запонок вы тоже собираетесь простудиться? – осведомилась Амалия.

---

[10] Не так ли? (*франц.*)

Казимир ничего не ответил и отвернулся к окну, всем своим видом выражая христианское смирение.

– А зачем мы едем на Невский? – спросил он.

– Поищем, нет ли там свободных квартир, – пояснила Амалия.

– Это будет стоить недешево, – вполголоса заметил дядюшка. – Ты уверена, что у нас хватит денег?

Амалия промолчала. По ее расчетам, денег должно было хватить на два года, при условии, что широкий образ жизни дядюшки удастся немного сузить. А потом – потом можно будет заложить или продать, к примеру, камень, который она привезла с собой из Америки. С виду камень напоминал сгусток слюды и размером был с небольшой кулак, но только Амалии было известно, что это никакая не слюда, а настоящий алмаз.

И еще, конечно, есть Поспелиха, имение, доставшееся ей в наследство от отца. Не такое уж большое, по правде говоря, уже заложенное и порядочно обкраденное нерадивыми управляющими, но все же какое-никакое имущество. Аделаида Станиславовна несколько напыщенно называла его «твое приданое». Однако это было фамильное достояние, и девушка давно решила, что если и продаст его, то в последнюю очередь.

Они вышли на Невском, и Амалия, оглядевшись, удовлетворенно кивнула. Поток экипажей, витрины лучших магазинов, дома европейской архитектуры – определенно, на такой улице стоило пожить.

И она просто двинулась наугад, расспрашивая дворников, не сдается ли где квартира, в которую можно переехать прямо сегодня. Казимир шел за ней следом, и даже снег скрипел у него под ногами как-то обиженно, словно его тоже ущемили в правах, не купив аметистовых запонок.

Амалия с дядюшкой прошли уже пять или шесть домов, и ни в одном из них не нашлось свободной квартиры. Следующее здание было очень изящно, с небольшими колоннами и фигурами атлантов, которые подпирали балконы, и Амалия сразу же отправилась искать дворника.

– Что это за дом? – спросила у него девушка.

– Дом как дом, барышня. Тут раньше был магазин фортепьянный, а до него жили наследники какого-то графа, запамятовал, какого. Вы квартиру ищете? Во втором этаже как раз одна освободилась.

И вскоре Амалия с Казимиром уже стояли перед домовладелицей, дородной темноволосой дамой с тяжелыми серьгами, которая доходчиво ответила на все их вопросы. Да, дом весьма знаменитый, жившего тут графа в прошлом веке посещали Ломоносов и Сумароков, Державин и Богданович.

– Автор «Душеньки»? – вырвалось у Амалии. – Это же чудная вещь!

Дама слегка улыбнулась. Однако не только литераторы, продолжала она, бывали здесь, но и царствующие особы. Сюда к хозяину приезжала императрица Елизавета Петровна, сюда же к ней привозили для встречи низложенного ею ребенка-императора Ивана Антоновича, в доме бывал почти ежедневно Петр III и позже нередко заглядывала Екатерина Великая. А когда граф, хозяин здания, умер, на следующий день мимо проезжал император Павел, остановился напротив окон, снял шляпу и поклонился.

Словом, это был не просто дом, а дом с историей, стереть которую не смогло даже временное пребывание в нем какого-то фортепьянного магазина.

– Мне сказали, что у вас свободна одна квартира, – проговорила Амалия. – Мы бы хотели на нее взглянуть.

Дама, приподняв бровь, вопросительно посмотрела на Казимира. Про себя она уже определила, что господин средних лет подыскивает уютное гнездышко для себя и своей любовницы. Странно только, почему «любовница» говорила и, судя по всему, принимала

решения, а господин средних лет почти все время молчал. И еще глазастая дама приметила, что его ботинки явно знали лучшие времена, как, впрочем, и шуба.

– Ступайте за мной, – наконец сказала мадам Шредер (так звали домовладелицу).

Оказавшись в просторной квартире с саженными окнами и высоченными потолками, Амалия сразу же оживилась и, сбросив пальто, стала ходить по комнатам.

– Так… Это будет моя комната… Здесь будет жить маман… Здесь мы устроим библиотеку… Гостиная… столовая… твоя комната, дядюшка… Одна комната для Даши, одна для Якова. В самый раз!

– Мне больше нравится библиотека, – заартачился Казимирчик. – Моя комната слишком темная.

– Хорошо, как хочешь, – легко согласилась Амалия. – Про библиотеку я так сказала, просто прожект… Я подумываю перевезти из Поспелихи хотя бы часть книг.

Казимир вспомнил шкафы с книгами, которые собирали три или четыре поколения семьи Тамариных, и похолодел. Кипы дамских романов, подшивки «Нивы» и собрания сочинений, военная литература, к коей питал пристрастие генерал, дед Амалии, какие-то справочники по агрономии, накопленные ее отцом…

– Квартира нам подходит, – сказала Амалия, оборачиваясь к мадам Шредер. – Мы ее берем.

Домовладелица довела до сведения новых жильцов, что им следует уплатить за месяц вперед задаток, который не подлежит возвращению, если они вдруг передумают. Казимир всплеснул руками и объявил: в жизни может случиться столько событий… пожар, к примеру… или наводнение… Да мало ли что может заставить их искать другую квартиру? Сейчас говорил с сильным польским акцентом, то и дело сбиваясь, и мадам Шредер сама не заметила, как смягчилась. Кроме того, теперь она точно знала, что Амалия и Казимир собираются жить в разных комнатах, и не сказать, чтобы данное обстоятельство ее сильно огорчило. Как раз наоборот.

– Хорошо. Задаток за две недели, и квартира ваша.

Получив деньги и машинально отметив про себя, что платила опять же девушка, мадам спросила у Амалии, когда они собираются переехать.

– Сегодня же, – последовал ответ.

– Но, Амалия, – пролепетал Казимир, – так быстро не годится!

– Почему?

– Потому что так не принято!

– Дядюшка, кому какое дело, в конце концов? Я просто не хочу там больше оставаться! Да и чего нам ждать? Одной подводы вполне хватит, чтобы перевезти все наши вещи!

Тут мадам Шредер кое-что вспомнила. По чести говоря, ей следовало упомянуть об этом прежде, но, занятая мыслями о роли, которую при странной девушке играл кругленький симпатичный господин лет тридцати пяти, она совсем забыла о главном.

– Должна вам сказать, что в нашем доме существуют определенные правила, – строго проговорила дама. – Скажите, вы часто играете на пианино?

– Почти никогда, – заверила ее Амалия, сразу же сообразившая, куда ветер дует.

– А вы, сударь, не балуетесь скрипкой?

Казимирчик сделал ангельское лицо. Если он чем-то и баловался, то игрой в карты, и притом безо всякого музыкального сопровождения.

– Я была вынуждена отказать от дома одному знаменитому скрипачу, – продолжала мадам Шредер, – потому что его концерты действовали на нервы остальным жильцам. Здесь очень, э… – она поглядела в глаза Казимиру и слегка запнулась, – приличные люди, да. Племянница банкира, кавалергард, полковник в отставке…

Казимир мило улыбнулся, и мадам Шредер смешалась окончательно. «Племянница банкира? Знаем мы этих племянниц! – как будто говорил взгляд мужчины. – Уж не та ли кошечка, которая якобы случайно выглянула из квартиры, когда мы поднимались по лестнице?»

Дядюшка воспрянул духом и решил больше не сопротивляться желанию племянницы перебраться на новое место как можно скорее. Да и вообще, когда сообщаешь свой адрес, «Казимир Браницкий, Невский проспект, дом Шредер», это звучит куда солиднее: чем «Казимир Браницкий, дом не помню какой в Болотной Дыре».

Итак, они вернулись в ту квартиру, местоположение которой Казимирчик про себя непочтительно называл Болотной Дырой, и принялись укладывать вещи. Амалия рассчиталась с хозяином, отдала долги лавочникам (у которых, надо сказать, Браницкие почти все брали в кредит) и велела дворнику, ежели найдется еще кто-то, с кем они впопыхах забыли расплатиться, направлять их в дом Шредер.

– Если меня будут спрашивать, – подала голос Даша, – то передайте тоже, что я переехала с господами на новый адрес.

Амалия сразу же поняла, о ком именно так беспокоилась ее горничная.

– Ты можешь оставить ему записку, – предложила девушка. – Мы подождем.

Даша, краснея, написала записку и наказала дворнику передать ее Николаю Петрову, студенту, когда тот появится.

– Сделаем-с! – отвечал дворник, которому Амалия тут же вручила двугривенный[11], чтобы он не забыл исполнить поручение.

Итак, они переехали и разместились в новом доме. А утром Казимира ждал сюрприз. Аделаида Станиславовна подняла его ни свет ни заря, протянула ему небольшую коробочку, обитую лиловым бархатом, и торжествующе откинула крышку.

– Это мне? – пролепетал брат, таращась на аметистовые запонки в обрамлении сверкающих бриллиантов. И тут же сделал движение, чтобы взять коробку.

Но сестра отвела руку, твердо сказав:

– Никаких карт в ближайшие две недели. Клянись!

– Чем же я займусь? – возмутился Казимирчик, который превыше всего на свете ценил свою свободу – то есть свободу делать то, что ему вздумается.

– Соседкой, – лаконично ответила Аделаида Станиславовна, отдавая-таки коробку. – Той, которую содержит банкир. Сегодня она уже о тебе спрашивала.

– По-твоему, я похож на человека, который способен позариться на чужое добро? – горько вопросил Казимирчик, уязвленный в самое сердце.

– Ну, если добро само к тебе плывет, почему бы и нет? – загадочно ответила сестра и потрепала его по голове, словно он до сих пор был маленьким ребенком, ее ненаглядным младшим братиком.

– После завтрака Леля пойдет за покупками, – продолжала Аделаида Станиславовна. – Будешь ее сопровождать, а мы с Дашей и Яковом пока наведем тут порядок.

И она удалилась, оставив после себя тонкий аромат духов, которые дочь привезла ей в подарок из Парижа.

Казимирчик понял, что свободной жизни ему не видать, поглядел на запонки и покорился судьбе.

Вероятно, судьбе в тот день было угодно посмеяться над ним, сделав из него подобие вьючного животного. Потому что, как только Казимир услышал список совершенно необходимых вещей, которые Амалия собиралась сегодня купить, у него потемнело в глазах.

[11] 20 копеек.

Список этот включал:
новый самовар
ширмы складные
коробку кофе
сапоги женские (1 пара), без каблуков
фунт зубного порошка
блюдо для визитных карточек
декокт[12] от желудка
утюг
платок пуховой
стеклярусные[13] кружева
мыло миндальное
чулки шелковые
новые романы, две дюжины на выбор…
и еще полсотни Вещей, Без Которых Нельзя Прожить.

– Племянница, но я ничего не понимаю в самоварах! – вскричал Казимир, – не говоря уже о ширмах, чулках и кружевах.

Амалия снова развернула список.

– «Шуба мужская», – прочитала она вслух. – Дядюшка, для кого, по-твоему, я буду ее покупать?

И Казимир покорился судьбе вторично. Но не забыл все же напомнить насчет трости.

– Будет вам и трость, – пообещала ему Амалия. – Но для начала займемся мылом и романами. Парфюмерия и книжный ближе всего к нашему дому, – пояснила она.

И они отправились в поход по магазинам. Однако мыло, которое продавалось по соседству, Амалии не понравилось, приказчик в книжном путал графа Алексея Константиновича Толстого с графом Львом Николаевичем, и с горя Амалия завернула в соседний магазин, где купила пару жакобовских[14] стульев с резными спинками, украшенными фигурами единорогов. Стульев, впрочем, в списке не было, но девушка справедливо рассудила, что вряд ли они помешают теперь, когда семья обзавелась приличной квартирой.

Амалия заплатила за стулья и велела доставить их по новому адресу, а сама вместе с дядюшкой двинулась дальше. Поначалу ей было увлекательно совершать покупки, потом – не слишком увлекательно, а под конец девушка не могла дождаться, когда же все это закончится, хотя три четверти списка еще оставалось впереди.

Казимир безропотно нес то, что они успели приобрести, но, глядя на его страдальческое лицо, всякий мог бы усомниться, что рабство в России уже двадцать лет как отменили. Впрочем, оказавшись в магазине, где продавали трости, дядюшка немного оживился. Он примерился к одной трости, с набалдашником слоновой кости, потом отложил ее и хотел взяться за другую, но тут возле него из воздуха соткался предупредительный приказчик.

– Что вам угодно, сударь?

Казимир не успел даже рта раскрыть, потому что приказчик уже за него решил, что ему угодно купить трость, и стал предлагать самые дорогие из тех, что имелись в магазине.

– Вот французская, набалдашник, как изволите видеть, резной… с аллегорическими фигурами… А эта, не угодно ли, старинная трость. Весьма примечательная вещь – с сюрпризом!

---

[12] Лечебный отвар.

[13] Стеклярус – разновидность бисера, короткие стеклянные трубочки.

[14] Стиль французской мебели из красного дерева, инкрустированной полосками латуни.

Казимир встрепенулся. Потому что, как ребенок, обожал сюрпризы. Он потянулся к старинной трости, но не успел даже спросить, какого рода сюрприз та скрывает, как неприятный мужской голос возле него произнес:

– Будьте добры, заверните. Я беру.

Амалия, которая тактично отошла в сторону, чтобы не мешать дядюшке, и рассматривала витрину кукольного магазина напротив, в удивлении обернулась.

В нескольких шагах от нее стоял тот самый офицер из Зимнего дворца.

Глава 5
Вырванная страница

Для Александра Корфа прошедший день обернулся чередой сплошных испытаний.

Сначала он столкнулся на дворцовой лестнице с сомнительной особой, которая имела дерзость улыбкой бросить ему вызов, затем узнал, что друг, сын его крестного, скоропостижно скончался. Приличия, честь да и попросту чувство сострадания требовали, чтобы молодой человек выразил безутешному отцу свои соболезнования, но Александр не мог отлучиться из дворца без разрешения. А вечером после дежурства он был зван в гости к семье невесты. Стало быть…

– Ты можешь навестить Андрея Петровича вечером, – сказал Серж Мещерский.

– Тогда я не увижу Бетти, – возразил Александр.

Так на английский манер звали княжну Елизавету Гагарину, его невесту. Это была воспитанная, образованная, изящная девушка, в меру взбалмошная, в меру непредсказуемая, но всегда обворожительная. В свете у нее было множество поклонников, и Александру невольно льстило, что выбрала она именно его. Мать горячо одобрила их брак, отец, как всегда, был не против, знакомые и сослуживцы все, как один, считали, что с будущей женой Александру несказанно повезло. Разочарованными остались разве что отвергнутые поклонники Бетти, к примеру, граф Антон Потоцкий, но он в любом случае не мог выдержать сравнения с блестящим офицером. Княжна Бетти предложила Антону остаться друзьями, однако уязвленный молодой человек отказался и с тех пор избегал встреч с ней. Впрочем, его сестра Мария оставалась одной из ближайших подруг княжны, так что, скажи он хоть слово, сестра приложила бы все усилия, чтобы их помирить.

– Ты можешь написать записку с выражением соболезнований, я передам ее Андрею Петровичу, – предложил Никита.

– Нет, – мрачно ответил Александр, – я хочу проститься с Львом. И вообще отделываться запиской, когда в семье такое горе, хуже, чем моветон.

Князь Мещерский вздохнул и покосился на часы.

– Отпросись, – сказал он негромко. – Объясни ситуацию, я думаю, тебя отпустят. Ничего страшного не произойдет, если тебя сегодня не будет во дворце.

Александр поморщился, поскольку терпеть не мог просить о чем бы то ни было. Кроме того, у него сложилось стойкое впечатление, что начальство по каким-то причинам его недолюбливает, и он был почти уверен, что получит отказ.

– Серж, ты же знаешь старика. Можно изложить ему сотню доводов, он все равно решит, что я собираюсь кутить с актрисами. По-моему, он терпеть меня не может.

– Полно, тебе кажется, – мягко возразил Серж.

– Вовсе нет. К тому же ты забываешь, что старик когда-то служил с моим отцом. Мало ли что они могли тогда не поделить… а теперь все это мне аукается.

Александр заметил, что Никита молчит, переводя взгляд с него на князя и обратно. Наконец Васильчиков кашлянул.

– Ладно, так уж и быть. Но учти: только ради нашей дружбы, – объявил он. И с этими словами он поднялся с дивана.

– Никита, ты что, подменишь меня? – спросил Александр.

– Услуга за услугу, – ответил Васильчиков, блестя глазами. – У меня в воскресенье дела, я жду врача… для матери. – Он покраснел, и Серж, который, как все в полку, был отлично осведомлен о болезни его матери, отвел глаза. – А между тем в воскресенье я должен

сопровождать императора в манеж. Ты поедешь вместо меня, а я, так уж и быть, подменю тебя сегодня. Договорились?

Александр кивнул. И крепко сжал руку Никиты.

– Хорошо. Ты и представить себе не можешь, как я тебе благодарен! Сестре привет передавай.

– Конечно, конечно, – заверил его Никита. – Да, собственно, ты сам ее увидишь, ее тоже позвали сегодня к Гагариным.

Таким образом, благодаря тому, что Васильчиков согласился его выручить, Александр сумел улизнуть из дворца и, взяв извозчика, отправился к графу Строганову.

В особняке графа толкались посторонние люди, остро пахло какими-то лекарствами, фальшивым сочувствием и смертью. То и дело звонил звонок, и представительный швейцар Герасим впускал очередного гостя, явившегося выразить свои соболезнования, повздыхать, шаркнуть ножкой и откланяться.

– Андрей Петрович у себя? – спросил молодой офицер, когда лакей принял его шинель.

– Пожалуйте сюда, сударь.

Граф грузно обмяк в кресле у окна, глядя невидящими глазами куда-то вдаль. Ему было лишь немногим за пятьдесят, но сейчас он выглядел изможденным, дряхлым старцем. Александр поздоровался, произнес несколько требуемых приличиями слов, которые потом не мог вспомнить. Его мучило сознание того, что все бесполезно, что самое страшное уже свершилось и никакие слова уже не помогут вернуть того, кто еще вчера улыбался, дышал и радовался жизни.

– Да… – наконец тяжело промолвил граф и поднял голову. – Ты что же стоишь, Саша? Садись.

Александр сел. Почему-то, хотя было безумно жаль графа, ему вдруг захотелось как можно скорее уйти отсюда. Наверное, инстинктивно чувствовал, что истинное горе, как и истинное счастье, не терпит посторонних.

Барон произнес еще несколько фраз о том, что он не ожидал, что он потрясен… и умолк. Сколько раз уже сегодня старый граф слышал эти слова! Разве они могли что-то значить для него теперь?

– Хорошо, что вы дружили, – невпопад проговорил граф и вздохнул. – Как поживает твоя матушка?

Александр сказал, что у нее все хорошо, и не солгал.

– А батюшка? Все в своей деревне? Не могу, право, понять, что хорошего в тамошней жизни. Щи, скверные дороги, общество не самого лучшего разбора… – Строганов поморщился.

За дверями протопали чьи-то шаги, глухо забубнил чей-то бас, потом все стихло.

– Мы никак не ожидали, что все так кончится, – неловко проговорил Александр, имея в виду Льва.

Граф неожиданно остро взглянул на него.

– Что, юноша? Непривычно? Думаешь, что смерть твоя далеко, а она вон где – на вершок от тебя… – Строганов показал этот самый вершок пальцами в воздухе. – И подстерегает! Ты Сержа Мещерского видишь? Знаешь, какими проклятьями его отец меня осыпал, когда… когда жена его оставила? А я, каюсь, грешен, знай посмеивался себе тогда. Сейчас думаю: не зря ли смеялся-то? Не накликал ли? – Лицо графа исказилось. – Никому не дай бог пережить своих детей! Хуже нет, чем такое проклятье…

Александру было нечего сказать, и он промолчал, чувствуя мучительную неловкость.

– Ты ведь к нему пришел? – спросил граф.

– Да, Андрей Петрович.

– Ну, так ступай. – И Строганов махнул рукой, отпуская гостя. – Матушке почтение мое передавай и батюшке тоже. Если они захотят меня навестить, я всегда буду рад.

Чувствуя в душе подобие облегчения, в котором он сам себе стыдился признаться, Александр спустился на первый этаж. Лев жил отдельно, но, когда с ним случилось несчастье, отец настоял на том, чтобы сына перевезли к нему, дабы обеспечить больному наилучший уход, и сюда же, в особняк, доставили все его вещи. Не мешкая, граф пригласил лучших врачей, даже лейб-медика самого государя. Но получается, что если бы не приглашал вообще никого, результат был бы в точности тот же.

«А если бы я купил ту лошадь, – мелькнуло в голове Александра, – то, может быть, Лев бы сейчас точно так же шел ко мне. Бледнел бы, но храбрился… Он как-то раз мне сказал, что не выносит вида мертвых тел».

У входа в комнату Льва маячил высокий, молчаливый лакей Строганова. Александр вспомнил, что лакея звали Аким. Не говоря ни слова, слуга посторонился, и Александр вошел.

Комната как комната, и почти ничего в ней не изменилось с тех пор, как он побывал здесь в последний раз. Лев лежал на кровати, закрытый по шею простыней. Единственное зеркало было занавешено.

Поколебавшись, Александр сел в кресло, которое по-прежнему стояло возле изголовья. Его не покидало ощущение, что он вошел в совершенно чужую комнату, что здесь все только притворялось таким, какое было прежде, и тело на кровати было вовсе не тем человеком, которого он знал и который совсем недавно был его другом.

Александр попытался вспомнить, о чем они со Львом говорили в последний раз, когда друг еще был жив. Совершенно будничный, обыкновенный разговор получился, временами даже пошловатый: актриса Соколовская еще не сменила любовника… Мари Потоцкая все такая же толстая… Бетти передает тебе привет и говорит, чтобы к нашей свадьбе ты непременно выздоровел, хочет, чтобы ты был шафером, чтобы…

Все-таки у него защипало в горле. Александр поднялся с места и сделал круг по комнате, чтобы успокоиться.

В окно были видны черные сучья какого-то дерева с налипшими на них комьями снега, и молодой человек впервые подумал, что Льву с его характером, наверное, было невыносимо, лежа на кровати, видеть за окном эти траурные ветви, одни и те же, день за днем.

Он подошел к секретеру, который придвинули поближе к постели, чтобы Льву было легко до него дотянуться. На столе лежали два романа, которые Александр принес товарищу, чтобы развлечь его. Корф пролистал страницы и убедился, что они разрезаны не дальше первой главы. Страницы второй книги не были разрезаны вовсе.

Александр положил ее обратно на стол и тут только заметил, что один из ящиков секретера немного выдвинут. Машинально сделал движение, чтобы закрыть его, но тот не поддавался. Тогда он выдвинул ящик – может быть, внутри было что-то, что мешает его захлопнуть.

Внутри ящика обнаружились несколько одинарных перчаток без пары, определенно дамских, надушенные платочки, тоже явно дамские, пустой флакон от духов, чья-то подвязка, бальная туфелька и на самом дне – толстая тетрадь с пронумерованными страницами, озаглавленная «Journal de L.»[15].

«Коллекция его завоеваний, – хмыкнул про себя Александр, глядя на забавные мелочи. – А это что, дневник его пассии? Лев что, тоже его присвоил? Однако!»

Он открыл тетрадь, но беглого взгляда хватило, чтобы понять, что это был дневник самого Льва: налицо был его почерк, его манера выражаться. Александр испытал двойствен-

[15] «Дневник Л.» (*франц.*).

ное чувство. Ему хотелось как можно скорее закрыть дневник и вернуть его на место, и в то же время…

В то же время его глаза выхватили на странице выражение «canaille de glace»[16] и через несколько строк «cette canaille que j'admire parfois quoique je sache qu'il ne vaut rien ou du moins ne vaut plus que moi»[17].

Ему было достаточно прочитать лишь пару абзацев, чтобы понять: этой сволочью, по словам автора дневника, был он сам, Александр Корф. Тут уж молодой человек не утерпел.

Он покосился на дверь и, убедившись, что сюда никто не идет и в комнате он по-прежнему один, стал перелистывать страницы дневника. Местами текст был написан по-французски, местами по-русски, а кое-где, очевидно, автор писал после попойки или в жестоком похмелье, потому что строки скакали по странице вверх-вниз и слова становились совершенно неразборчивыми.

Александр прочитал несколько страниц и испытал крайне странное ощущение. Ему казалось теперь, что он и не знал настоящего Льва Строганова. Тот, кто вел дневник, был нарочито груб, циничен, без стеснения описывал анатомические особенности своих любовниц, а товарищей, не стесняясь, ругал на чем свет стоит, стоило им чем-то ему не угодить. Кроткий Серж Мещерский был описан как «манная каша в мундире», Никита – как «маменькин сынок» и «нищее ничтожество, погрязшее в ничтожной нищете», Антон Потоцкий, поклонник Бетти Гагариной, – как «вялая рыба, не то полуживая, не то полудохлая». И тут же:

«Смотрю на себя и думаю: ведь я ноль, ничтожество, каких мало. Ну и что, что блестящий офицер, ну и что, что при дворе? Пустота, прикрытая эполетами! Часовые отдают мне честь. Знают ли они, кому ее отдают? Как глупо все. Хотел застрелиться вчера – и опять не застрелился. Сегодня пили шампанское, две дюжины бутылок, потом вино. Корф один устоял на ногах. Мне бы научиться пить, как этот мерзавец… Серж совсем лыка не вязал и нес чепуху, какие мы замечательные товарищи. Вздор все. Митька принес почту, отец опять написал письмо. Словно за тридевять земель живем, а не в одном городе. Денег снова не дал. Старая сволочь. Порвал письмо, не читая».

И через несколько строк:

«Я не люблю Сержа. Он прекрасный малый, но… всякий раз при виде его я вспоминаю ту глупейшую историю. Не промахнулся бы тогда его отец, убил бы моего, и был бы я богатый наследник и сам себе хозяин. Я знаю, что пишу ужасные вещи, но это было бы справедливо. Мать моя умерла от того, что он творил… жил как хотел, с кем хотел. Он разбил ей сердце. А хуже всего…»

Александр хотел читать дальше, но дальше шло: «Опять дождь, все надоело».

Присмотревшись, молодой офицер заметил, что одна страница из дневника вырвана. Может быть, Льву стало совестно, и он, перечитав написанное, уничтожил самые резкие высказывания? Но на следующей странице Александр вновь увидел слова «мерзавец» и «старый мерзавец» в адрес Андрея Петровича. Значит, дело было в чем-то другом.

«Слава богу, – смутно подумал молодой человек, – что я первым нашел дневник… Если бы крестный прочитал, что его сын о нем писал… это бы убило его».

Он поглядел на заострившийся профиль мертвого Льва и невольно поежился.

В дверь постучали, и через мгновение на пороге возникла молчаливая сутулая фигура Акима. Александр успел спрятать дневник за отворот мундира и обернулся.

– Да, Аким… Я уже ухожу. А что похороны? Я имею в виду, когда?..

---

[16] Ледяная сволочь (*франц.*).

[17] Эта сволочь, которой я порой восхищаюсь, хоть и знаю, что он ничего не стоит или, во всяком случае, не лучше меня (*франц.*).

Слуга насупился.

– К воскресенью гробовщики, сказывают, не поспеют… Гроб красного дерева, с глазетом, особенный надо сработать, – пояснил Аким. – Вам сообщат, сударь. Вы же у молодого барина, почитай, были ближайший друг…

Чувствуя себя крайне неловко в роли похитителя, к которой он не ощущал ни малейшего призвания, Александр вышел из особняка. У ворот дома напротив две кухарки оживленно обсуждали случившуюся драму. У той, что помоложе, из корзинки выглядывал сникший зеленый лук.

– Единственный сын, Марфа Иванна! Ах, горе-то!

– Дак ведь отец-то богатей? – басом тянула Марфа Ивановна. – Говорят, у него земли видимо-невидимо десятин, дома разные, выезд… Кому ж все енто теперь достанется?

– И, я чай, наследнички найдутся!

«Вот сплетницы, черт бы их побрал!» – в раздражении подумал Александр. Он вспомнил лицо крестного, отчаяние, написанное на нем. У него не было сомнений, что граф Строганов отдал бы все, чтобы его сын остался в живых, и даже колебаться бы не стал. А этим… этим подавай только десятины и дома, ничто больше их не интересует.

«Все-таки я правильно сделал, что забрал дневник… – мелькнула мысль. – Крестный ни в коем случае не должен его видеть».

Александр вернулся к себе на квартиру, зажег лампу и прочитал тетрадь, на этот раз – от начала до конца, ничего не пропуская. Перечитав, убедился, что был прав: графу дневник его сына показывать было нельзя. Да и никому вообще, на самом деле.

В памяти всплывало только что прочитанное…

«Бал. Толстая Мари Потоцкая смотрит на каналью взором влюбленной коровы. Он ее не замечает. Я мысленно аплодирую. До чего она смешна! А всех смешнее ее братец, который пришел под маской, затесался в толпу, смотрит, как каналья танцует с невестой, и кусает губы».

Александр отлично помнил тот бал-маскарад, и у него не было никаких сомнений, что под «канальей» любезный друг разумел именно его, хоть и преувеличивал восторженное отношение к нему сестры Антона.

«Корф женится на Бетти и совершенно счастлив. Посмотрел бы лучше на ее мамашу – ясно же, на кого княжна будет похожа лет через 20. Пока у нее только милое кругленькое личико в обрамлении светлых кудряшек. Потом к нему прибавятся три подбородка и тяжелый взгляд, а волосы поредеют так, что сквозь них будет просвечивать кожа. Фу, гадость! И она будет цедить сквозь зубы, точь-в-точь как княгиня Гагарина: «Alexandre, у меня мигрень, я не в настроении». Бедный Корф!»

Сначала Александр злился, читая все это, потом ему стало противно, а под конец он не испытывал ничего, кроме грусти. Что-то не так было с блестящим Львом, баловнем фортуны, какая-то червоточина притаилась в его душе, если вокруг он видел одно плохое и уродливое. Он был как кривое зеркало, которому доступны только искаженные контуры фигур и лиц и которое не может видеть самое прекрасное лицо таким, какое оно есть на самом деле.

«Купил лошадь. Чертов Корф в последний миг отступился, наверное, почуял, что, если лошадь достанется ему, я тут же, на месте, ее пристрелю».

После этой записи шло всего несколько строк, из которых особенно резанули по сердцу последние:

«Кажется, я сломал спину. Но не может быть, чтобы это был конец. Не может быть!»

Степка еще не вернулся из дворца. Александр помедлил мгновение, покосился на камин. Разжечь огонь поярче и бросить туда тетрадь? Но тут он взглянул на часы и понял, что, если будет уничтожать дневник, то опоздает к Гагариным.

«Успеется», – подумал Корф и запер дневник человека, которого еще этим утром считал своим другом, на ключ в ящик стола.

Глава 6
Друзья и враги

Через час Александр был уже у Гагариных, и отец Бетти, как человек светский, отвел в сторону и шепотом выразил свое сочувствие. Такая ужасная потеря, такой блестящий молодой человек, ах, ах, ах… Сочтя, что сказано достаточно, князь успокоился, поделился мыслями о недавней премьере, уронил даже остроту по-французски и подвел молодого офицера к своей жене.

«Лицемер, – смутно помыслил Александр, целуя руку пухлой расплывшейся княгине. – И вовсе ему не жаль. Но если бы он не был лицемером, – тотчас же добавил он про себя, – наверное, я бы не вынес его разглагольствований».

Корф поймал взгляд толстенькой, некрасивой Мари Потоцкой, которая сидела возле Бетти и воинственно смотрела на него. «И с чего Лев взял, что девица ко мне неравнодушна? – удивился он про себя. – По-моему, наоборот, терпеть меня не может, хотя бы потому, что я помешал счастью ее брата».

– Вы прекрасно выглядите, – не упустила случай уколоть его Мари, когда он подошел. – По вашему виду не скажешь, что вы только что потеряли друга.

Александр мило улыбнулся, а про себя решил, что, как только они с Бетти поженятся, надо будет сделать так, чтобы ноги ее лучшей подруги в их доме не было.

– Сожалею, что мой вид причиняет вам такое неудобство, – насмешливо уронил барон.

Мари вспыхнула до корней волос.

– Не ссорьтесь, – вмешалась княжна Бетти. – Вы же знаете, как я этого не люблю. Тем более в такой день, как сегодня…

Девушка не закончила фразу, но все и так поняли, что она имеет в виду.

– Бедный Леон! – вздохнула Мари.

«Знала бы ты, что он о тебе писал, вряд ли бы так сказала», – усмехнулся мысленно Корф. Но в его лице не дрогнул ли единый мускул.

– А правда, что Леон погиб из-за лошади, которую вы тоже хотели купить? – спросила княжна.

Мари озадаченно нахмурилась.

– К сожалению, да, – подтвердил Александр. И его глаза сверкнули: – Сейчас Мари скажет, как ей жаль, что я не оказался на месте Льва.

– Как вы могли такое подумать! – вырвалось у девушки.

Потоцкая вскочила с места, ее губы дрожали. Прежде чем Александр успел извиниться, она уже выбежала из комнаты.

Княгиня Гагарина вздохнула, послала мужу многозначительный взгляд и, с треском раскрыв веер, вполголоса промолвила:

– Dimitri[18], я же просила вас сделать что-нибудь. Мари – милая девочка, но она все время пытается настроить их друг против друга, это нехорошо. Кроме того, передает Лизе все сплетни о Корфе. Вот уж никуда не годится!

– Что я могу сделать? – с некоторым неудовольствием спросил князь. – Лиза сама принимает решение, с кем ей дружить, а с кем нет. Ты же знаешь, современные молодые люди ни с кем не считаются.

– Но можно хотя бы поговорить с ней!

[18] Дмитрий (*франц.*).

– Я поговорил. По ее словам, ей просто весело. Мари очень забавная, а сплетням Лиза не верит.

Княгиня перегнулась к супругу через подлокотник кресла, прикрыла рот веером и прошипела:

– Если «забавная» Мари расстроит их свадьбу… Ты меня понял, Dimitri! Я тебя предупредила!

Но тут появились новые гости – Серж Мещерский, а следом за ним Никита Васильчиков со своей сестрой Еленой. Это была милая темноволосая девушка, которую портила разве что излишняя застенчивость. Кроме того, попав в столь блестящее общество, Елена сразу же отметила, что ее простое платье не идет ни в какое сравнение с туалетами присутствующих, и смешалась окончательно. Напрасно брат пытался развлечь ее разговором, она еле слышно что-то отвечала и конфузилась, а когда слуги принесли шампанское, ухитрилась опрокинуть бокал на свое платье. Впрочем, Александр даже не заметил этого, потому что его внимание привлекло новое лицо.

– Смотри, Антуан пришел, – сказал Серж, указывая на вновь прибывшего.

И в самом деле, это был Антон Потоцкий, но при виде его Александру на ум сразу же пришла меткая характеристика, которую дал графу покойный Лев. Как там в дневнике было? «Рыба, не то наполовину живая, не то наполовину дохлая…» Увы, Леон был недалек от истины. В молодом графе, несмотря на приятные и немного безвольные черты, и в самом деле было что-то водянистое. Даже глаза у него были как у рыбы – печальные и немного навыкате.

Завидев счастливого соперника, Антон весь подобрался, но, видимо, сумел себя пересилить и подошел к Корфу.

– Я слышал о вашей потере, – пробормотал он. – Сожалею.

И ладонь у него была безвольная и потная. Скользкая, как рыбий хвост. Невольно Александр почувствовал отвращение. Ему захотелось немедленно вытереть руку, которую только что сжимал Антуан, о что-нибудь, но он преодолел это желание и улыбнулся.

«Боже, какое у него злое лицо! – подумала в смятении Елена в тот момент. – Что бедный Антон ему сделал?»

А Антон смотрел на барона Корфа и думал, с каким бы удовольствием он навсегда стер улыбку с его самодовольной, бесстрастной физиономии. Но тогда Бетти стала бы горевать, а этого бы он не перенес.

– Значит, ты вернулся в общество? – весело спросил у Потоцкого Серж.

Антон смешался.

– Нет, я только за сестрой заехал. Где она, кстати?

Мари вернулась в гостиную с красными глазами, и брат сразу же встревожился.

– В чем дело, Мари? Сударь, это вы? – Он посмотрел на Александра, но встретил взгляд, холодный и блестящий, как клинок. Бедному Потоцкому немедленно захотелось провалиться сквозь землю.

– Полно, Антуан, – подала голос сестра. – Просто я расстроилась из-за… из-за Леона. Он был такой жизнерадостный, такой чудесный! А теперь его больше нет…

– Странно, что это с ним случилось, – пробормотал Антон и смешался окончательно. – Я хочу сказать, он ведь был такой хороший наездник…

– С каждым может случиться, – внушительно заметил князь Гагарин. – В конце концов, все люди смертны.

И хозяин дома самодовольно посмотрел на гостей, словно сказал невесть какую умную вещь.

Александр был почти рад, когда вечер подошел к концу. Прежде и нападки Мари, и присутствие ее брата, который косился на него, как на вора, похитившего у него, Антона,

самое ценное, не смогли бы вывести Александра из себя, но в этот день, пропитанный скорбью и полный неприятных открытий, Потоцкие раздражали его. Как раздражали и самодовольный отец Бетти, и ее мать с поджатыми губами. Вообще сегодня все было не так, как надо. Начиная со взгляда девушки в светлом платье там, на лестнице в Зимнем дворце.

Однако все на свете кончается, закончился и этот утомительный, мучительный день. И наступил следующий – суббота, 28 февраля.

У Александра не было дежурства, и он мог делать что ему заблагорассудится, но в действительности ему не хотелось ничего. Никита сидел с матерью, Серж по субботам всегда приезжал к отцу и обедал с ним в огромной, мрачной столовой, причем за едой они обыкновенно не перебрасывались и десятком слов. Будь жив Лев, они бы с Корфом поехали в тир, поупражнялись бы в стрельбе, занялись бы фехтованием, а не то отправились бы в какую-нибудь ресторацию развеяться. Но Льва больше не было, и Александр не знал, чем себя занять.

Разве что навестить Бетти? Но он видел ее совсем недавно, а слишком часто ездить к девушке, пусть даже и невесте, не слишком прилично.

В конце концов, молодой барон решил просто пройтись по Невскому.

По проспекту сновала пестрая толпа гуляющих. Тут были все военные формы, генеральские эполеты, бобровые воротники, заячьи тулупы, соболя дамских шуб. Поток подхватил Александра и понес его за собой. Но вдруг и поток, и проспект, и Петербург перестали существовать, потому что на противоположном тротуаре показалась белокурая особа в светлой шубке, с карими глазами и черными бровями. За особой с видом мученика вышагивал незнакомый господин, нагруженный свертками, и уже по его физиономии Александр понял, что видит прохвоста каких поискать.

Амалия в сопровождении прохвоста завернула в лавку, торговавшую разными мужскими мелочами, и Александр, не утерпев, перешел улицу и тоже вошел в лавку. Едва прохвост выказал желание купить себе трость, как Корф сообразил, как именно он может отыграться.

– Будьте добры, заверните. Я беру.

Амалия, которая, чтобы не мешать дядюшке, рассеянно рассматривала кукол в витрине магазина напротив, в удивлении обернулась. Она на лету схватывала оттенки выражений, а в этих простых словах хоть и не крылось ничего оскорбительного, но тон их отдавал вызовом, да и попросту был неприятен. Если бы она была мужчиной, то решила бы, что незнакомый молодой офицер, определенно, нарывается на ссору.

– Амалия! – простонал расстроенный Казимирчик, видя, как от него навсегда уплывает вожделенная трость с сюрпризом, которую он даже не успел подержать в руках.

Офицер заложил руки за спину и свысока уставился на Амалию. Его лицо дышало такой ледяной враждебностью, что девушка невольно растерялась. Она не могла понять, что сделала, чтобы смотреть на нее так.

– Вы что-то хотите сказать, сударыня? – с убийственной вежливостью осведомился офицер.

Однако, если Амалия и была застигнута врасплох, то сейчас же опомнилась. К тому же она принадлежала к людям, которые никогда не лезут за словом в карман.

– Вам – ничего, – отрезала она тоном царствующей королевы. – Идемте, дядюшка.

– Но трость… – простонал Казимирчик, только что переживший крушение своей мечты.

– Найдем в другом магазине, – отозвалась Амалия по-польски. – Не забудьте наши покупки.

Александр заплатил за трость (которая была ему совершенно ни к чему), приказчик завернул ее в бумагу, аккуратно перевязал, и молодой человек вышел на улицу.

Ему было интересно, куда делась авантюристка, из-за которой погиб его друг Орест. Но авантюристка никуда не ушла – стояла у витрины игрушечного магазина напротив и рассматривала большую нарядную куклу в голубом платье. Возле Амалии с ноги на ногу переминался прохвост, которого она назвала дядюшкой. Наконец девушка не выдержала и потянула спутника в магазин.

Тут вся злость барона куда-то улетучилась, Александр почувствовал себя полным дураком. Хорош же он был – грубить девушке, которая до сих пор играет в куклы!

Ощущая глубокое недовольство собой, Корф сунул трость под мышку и зашагал к набережной Фонтанки.

«В конце концов, – сказал он себе, – я ее совершенно не знаю, и то, что произошло между ней и Орестом, меня не касается. А оскорблять женщину вообще некрасиво и недостойно порядочного человека. Интересно, сколько ей лет? И почему я так уверен, что она покупала куклу для себя? Может быть, у нее есть сестра…»

Тут Александр рассердился на себя и решил, что больше не будет думать об Амалии. Но через сотню шагов не выдержал и вернулся к кукольной лавке.

Ему была неприятна мысль, что он намеренно пытался оскорбить девушку, которая лично ему совершенно ничего не сделала. И решил – нет, не попросить прощения, а извиниться как бы между прочим.

Но уже издали Александр увидел, что сказочная кукла в голубом платье исчезла с витрины вместе со всеми своими запасными нарядами, складным зонтиком, плюшевой собачкой, игрушечным шкафом, трельяжем и чемоданчиками. Амалии и ее спутника нигде поблизости не наблюдалось.

Корф не любил – и не умел – извиняться за что бы то ни было, но сейчас ему стало досадно, что все обернулось именно так. Бесполезная трость оттягивала руку, и он решил взять извозчика.

– Куда прикажете, господин офицер?

Александр мгновение поразмыслил и сказал:

– В Петергоф.

– Это ж тридцать с лишком верст, сударь!

– Ничего, – отозвался Александр, – я заплачу. Трогай!

Глава 7
Накануне

– А постельное белье? – с встревоженным видом спросила Аделаида Станиславовна.

Ее брат рухнул на диван.

– Нет, – промямлил он. – Мы купили шубу с шапкой для меня и решили вернуться.

Аделаида Станиславовна воздела руки.

– Казимир, но так же не годится! А тарелки? А мыло? А самовар?

– Ничего не знаю. Зато она взяла стулья, не знаю для чего, – наябедничал гадкий Казимирчик. – И куклу!

Произнеся эти слова, он обдернул манжету и повернул ее так, чтобы запонка заиграла ярче. Аделаида Станиславовна не могла удержаться от улыбки.

– У нее кукла, у тебя запонки, – заметила она. – По-моему, вы не очень-то и отличаетесь. Все вам игрушки подавай!

Как раз в эти минуты Амалия сидела у себя в комнате на одном из жакобовских стульев, которые только что доставили, и задумчиво смотрела на куклу, которая сидела на втором стуле.

Стул, хоть и безусловно красивый, оказался жутко неудобным – спинка жесткая, а сиденье словно набито кирпичами. Поневоле Амалия начала думать, что она просто не умеет толково распоряжаться деньгами. Вот что сделала с ними, в самом деле? Накупила гору бесполезных вещей, а самое главное забыла. И еще кукла… Но что поделаешь, если маленькая парижская модница в голубом платье оказалась похожа на куклу из ее детства, на ту самую Мими, которую Амалии когда-то подарил ее брат Константин и которая потом при переездах затерялась! И все равно, нелепо покупать куклы, когда тебе уже восемнадцать и ты девушка на выданье…

«Ничего, Даша выйдет за своего студента, у них пойдут дети, и я подарю куклу их дочке», – успокоив себя этим разумным рассуждением, Амалия достала список и посмотрела, что именно не успела купить. Ее охватила тоска.

Как же они будут жить без самовара? А без мыла?

В дверь постучали, и в комнату заглянула Даша.

– Амалия Константиновна, когда на стол подавать?

Хм, что-то новенькое. Обычно Даша спрашивала об этом у ее матери.

– Через четверть часа, я думаю, – ответила Амалия, посмотрев на часы-лиру.

Горничная хотела удалиться, но Амалия задержала ее.

– Постой. Что у тебя с лицом?

– У меня? – сконфузилась девушка.

– Ну да. Сентябрем глядишь, Даша. Что случилось?

Несколько секунд Даша колебалась, но потом, видимо, решилась и хлюпнула носом.

– Николай… Николай Владимирович…

– Студент твой?

Даша кивнула.

– Он тебе что-то плохое сказал? – встревожилась Амалия. Она знала Дашу с детства, относилась к ней как к сестре и сейчас ей очень хотелось помочь.

– Да ничего он не говорил, – удрученно протянула Даша, косясь на куклу. – Третий день его не видно. А ведь обещал, что в четверг заглянет непременно.

– Так мы же переехали, – напомнила Амалия. – Может быть, еще не получил твою записку?

Даша упрямо мотнула головой.

– Мы переехали вчера, в пятницу, а четверг был до того.

Против такого довода решительно нечего было возразить.

– Даша, – мягко заговорила Амалия, – ты же знаешь, в жизни разное может случиться. А на обещания полагаться нельзя. Может быть, молодой человек просто забыл?

– Он вовсе не забывчивый, – возразила Даша, хлюпая носом еще громче. – Он, Амалия Константиновна, такой: если уж обещал, то сделал. Надежный. Да.

Амалия нахмурилась.

– Но в жизни не все от нас зависит. Что, если он просто заболел?

Даша распрямилась и посмотрела на хозяйку широко распахнутыми глазами.

– Вы думаете?

– Конечно, он мог просто простудиться, сейчас же зима, холодно. А тебе сообщать не стал, чтобы не беспокоить.

– Это на него похоже, – кивнула Даша, подумав.

– Ты знаешь, где он живет? – спросила Амалия.

– Конечно, барышня! Только вот… – Горничная замялась.

«Только вот прилично ли незамужней девушке по собственному почину навещать молодого человека», – хотела сказать Даша. Но Амалия и так все поняла.

– Я подумала, – рассудительно промолвила она, взяв в руки куклу и поправляя капор на ней, – что после обеда снова поеду за покупками, а ты поедешь со мной. Ну и… может, мы будем проезжать мимо дома, где живет твой студент. И ты просто сообщишь ему, что мы переехали. Вдруг дворник забудет передать твою записку… или твой друг заболел и не может ее забрать…

Даша просияла.

– В самом деле! Правильно, лучше уж я сама, а то мало ли что…

И, совершенно успокоившись, горничная выпорхнула за дверь.

Пройдясь перед обедом по квартире, Амалия с удовлетворением отметила, что та приобретает все более обжитой и уютный вид. Полы были начищены, окна вымыты, мебель кое-где переставлена так, чтобы было удобно новым обитателям дома. В гостиной Аделаида Станиславовна расставила на комоде фотографические карточки и повесила на стены несколько картин – портреты предков.

– Ну, – торжествующе спросила она у дочери, – что ты думаешь?

Амалия осмотрелась.

– Я думаю, что нам нужен новый ковер. А с люстры надо будет стереть пыль, но это потом. После обеда я снова еду за покупками. С Дашей.

– Мне нужны часы, – тотчас же встрял дядюшка. – И трость. И…

– Казимир, мы уже потратили на тебя рублей пятьсот, не меньше! – тихо напомнила Аделаида Станиславовна.

– Понял, – нахохлился тот. – Всегда знал, что в этом доме меня никто не любит! – Он вздохнул и потер свои маленькие ручки. – Так, а что у нас на обед?

В то время когда дядюшка Казимир уплетал жареного гуся и топил свою печаль в шатолафите, Александр Корф отпустил извозчика у распахнутых ворот и двинулся дальше пешком. В саду он увидел подвижного и жилистого малого, который расчищал от снега дорожку. Это был Мишка, денщик генерала Корфа. Вокруг него с визгом бегали дети одной из служанок. Завидев Александра, они спрятались за Мишку. Тот всмотрелся в гостя из-под козырька шапки и так удивился, что едва не уронил лопату.

– Здравия желаю, ваше благородие! – весело прокричал Мишка и осклабился. – А мы вас и не ждали! В дом пожалте… Озябли небось с дороги?

– Отец у себя? – спросил Александр.

– Здесь, здесь, где ж ему быть!

Родители Александра давно разъехались – тихо, без ссор и скандалов – и зажили каждый своей жизнью. Мать осталась в Петербурге, где блистала, пока позволяли годы. А они, увы, уже не позволяли, однако женщина упорно не желала с ними мириться. Сын видел ее редко даже в детстве – занималась им она очень мало. Александр вообще подозревал, что был для матери обузой и что та с удовольствием забыла бы о его существовании. Еще бы – нелегко носить открытые платья и молодиться, когда твоему сыну уже за двадцать.

Что касается отца, генерала Корфа, то тоже нельзя сказать, чтобы он докучал сыну своим постоянным присутствием. Но когда был нужен, как-то незаметно оказывался рядом, и оттого Александр инстинктивно доверял ему больше, чем матери. Отцу первому он сказал, что намерен идти в военную службу, и ему первому сообщил, что собирается жениться. Впрочем, особой теплоты в их отношениях не было, и неизвестно, приехал бы Александр сегодня, если бы не воспоминание о вчерашнем, о горе крестного, который многим (да и ему самому, по чести говоря) казался холодным, самовлюбленным человеком. Александр никак не мог забыть, что на месте Льва запросто мог оказаться сам, и был отчего-то уверен, что мать не горевала бы по нему и пяти минут. Другое дело отец. При дворе Корфа-старшего считали ограниченным воякой, но Александру всегда казалось, что его отец – человек куда сложнее, чем кажется. Под простодушной, грубоватой маской генерала Александр нередко обнаруживал тонкий юмор, лукавство и знание жизни, совершенно неожиданные в старом служаке. Иногда у него возникало ощущение, что он так и умрет, не разгадав, каков же его отец на самом деле.

Корф-старший в домашнем халате сидел у камина, читая какую-то книгу, обложка которой была аккуратно завернута в бумагу. Это был высокий, крупный мужчина с большой головой и крупными же, резкими чертами мясистого лица. Завидев Александра, генерал просиял.

– А я уж думал, ты совсем забыл старика, – полушутливо-полусерьезно сказал он и крепко сжал руку молодому офицеру. – Дай-ка на тебя взглянуть… – Отец отошел на шаг и рассмеялся. – Хорош! Молодец!

И вслед за тем прижал сына к груди так, что у того чуть кости не затрещали. Александр был и смущен, и растроган.

– Чаю будешь? Или чего покрепче? – спросил генерал. Затем кивнул на трость: – А что у тебя за палка?

– Э… купил по случаю, – в замешательстве ответил Александр. – Трость. С сюрпризом, – добавил он, вспомнив слова приказчика.

– Да ну? – усомнился генерал.

Александр протянул ему покупку. Отец развязал бечевку, сорвал бумагу, осмотрел трость, и неожиданно его глаза зажглись. Генерал с торжеством посмотрел на сына, нажал на какой-то завиток на рукояти и вынул из трости ослепительно сверкнувшее лезвие.

– Трость со шпагой! – весело проговорил генерал. – Прошлого века, никак? Сейчас такие уже не делают. Да ты садись, садись…

– Если хотите, можете оставить ее себе, – предложил сын, усаживаясь в кресло.

Генерал усмехнулся.

– К чему мне – ворон пугать? – Он вставил шпагу обратно и протянул трость сыну. – Держи. Вещица, конечно, знатная, но для молодых.

Александр забрал трость, поискал, куда бы ее деть, и наконец просто положил на столик в углу, поперек газет.

– Насчет чаю бы надо распорядиться, – буркнул генерал. И возвысил голос: – Мишка!

– Он во дворе, снег разгребает, – пояснил сын.

– А, ну тогда ладно. Стеша! Стеша! Чтоб тебя холера стрескала, где ж тебя черти носят?

Ворча, генерал вышел искать слуг, а Александр поднялся с места и подошел к камину. Поленья потрескивали, и по всему телу разливалось блаженное тепло. Он хотел уже вернуться на место, но тут заметил книжку, которую читал отец, не удержался и взглянул на название. Это был «Справочник биографий всех генералов Российской империи от Петра Великого до наших дней», и молодой барон невольно подумал, что только его отец способен сидеть и читать такую книгу, словно какой-то роман. Александр машинально перелистнул страницы, покрытые в два столбца убористым шрифтом. Мелькнуло знакомое имя – и он замер.

– Что, удивлен, что я читаю всякую чепуху? Небось так ты думаешь, а?

Отец уже вернулся и стоял в дверях. Обычно его шаги были слышны издалека, но уже в детстве Александр заметил, что генерал при желании может подкрадываться и очень тихо. Молодой человек улыбнулся.

– Ничего такого я вовсе и не думал. – Внезапно Александр решился: – Отец, а кто такой Тамарин?

– Тамарин? – удивился генерал.

– Да, его имя тоже есть в справочнике.

Губы генерала под седоватыми щетинистыми усами раздвинулись в улыбке.

– Да служил я когда-то под его началом. А что тебе? Он ведь умер уже давно… сколько я помню.

Вот те раз. У Александра создалось впечатление, что мир порой все же слишком тесен.

– А у него были дети? – спросил он.

Генерал задумался, пожевал губами.

– Дети были, конечно, как же без этого. Пять штук душ. Четверо померли. Один сын остался, по-моему, но он даже до полковника не дослужился, как я слышал. Женился на польской барышне какой-то и вышел в отставку.

«Ух ты, как интересно, – подумал Александр. – Так что ж, получается, Амалия – внучка генерала Тамарина?»

– А что он был за человек? Я имею в виду генерала Тамарина?

Отец сразу же оживился, и по его реакции Александр понял, что генерал был далеко не прост. Ох, не прост!

– Челове-ек! – со вкусом произнес генерал Корф, поднимая глаза к потолку. – Я тебе так скажу: генерал Тамарин был человек. Ух, как мы все его боялись! Строг был, что есть, то есть. Но справедлив. За спинами подчиненных никогда не отсиживался. Как в бой – так впереди всех на вороном коне, с шашкой наголо. Слово скажет – как отрежет. И никого не боялся. Никого, Саша. А время-то было, сам понимаешь… – Генерал скорчил кислую мину. – Дружить с кем надо он не умел. Дипломатничать опять же был не мастак. Для него все ваши парады, смотры, вся прочая такая чепуха была как нож острый. Он вояка был настоящий. Выведешь его, не дай бог, из себя – гроза! Правду в глаза резал, да-с… – Старший Корф вздохнул. – Невзирая на чины и звания. Думаю, это его, в конце концов, и сгубило. Пропал он в гражданской жизни, ох, быстро пропал…

Александр слушал отца, вспоминал воздушную барышню, которая покупала куклу несколько часов назад, и про себя дивился различию между поколениями. И что осталось в белокурой тоненькой Амалии Тамариной от ее грозного деда? Ничего, ровным счетом ничего!

Сдобная Стеша, колыхая телесами, внесла самовар, потом притащила поднос с водкой и закуской.

– Помянем, что ли? – предложил генерал. – Я ведь про приятеля-то твоего уже слышал.

Отец выпил, крякнул, закусил и расправил усы.

– Я был у крестного, – сказал Александр.

– Ну и как он? – довольно равнодушно осведомился генерал.

– Горюет, – ответил молодой человек.

– Ничего он не горюет, – внезапно брякнул отец и снова выпил.

– Но ведь Лев был единственным… – начал Александр смущенно.

– У! – скривился генерал. – Оставь, я ж хорошо его знаю. Думаешь, он сына жалеет? Нет, себя жалеет, что на старости лет один остался, никому не нужный. Шестой десяток, юноша, не шутки! Глупые потаскушки давно померли, умные остепенились, повыходили замуж и знать его не желают. Да-с! Вот где шекспировская-то трагедия… Ну и черт с ним!

И генерал налил себе снова. Голова у Александра уже шла кругом. Вот, значит, как на самом деле думает о Строганове! А ведь было время, принимал графа у себя дома, улыбался и руки жал. В крестные сыну, опять же, пригласил.

– Ты, конечно, жалеешь своего приятеля, – продолжал генерал, утирая губы. – Это правильно. Без жалости человек превращается в скотину. Хороших людей надо жалеть, а плохие без нашей жалости и так обойдутся. – И без перехода спросил: – Ты когда женишься-то? А?

– Бетти приданое собирают, – с неудовольствием ответил Александр. – Маман этим занимается… то есть ведет переговоры с Гагариными. – Умолк и наконец решился: – Она думает, что вы тоже должны принять участие.

Генерал скривился. Затем обронил не без сарказма:

– Скажи твоей матери, что я во всем полагаюсь на ее чуткость. И потом, староват я уже. Мне доктор велел в деревне сидеть, вот я и сижу.

Насколько Александру было известно, не было на свете такого доктора, который мог бы помешать генералу делать то, что ему вздумается. Но вслух молодой офицер ничего не сказал.

– Я Льва в шаферы приглашал… А его теперь нет. – Александр поморщился. – Бетти думает, что это дурная примета. Так мне вчера и поведала.

Скрипнула дверь, в щель просочился поджарый кот, сверкнул глазами на гостя и прокрался куда-то в угол. Через пару мгновений оттуда донесся придушенный писк пойманной мыши.

– Васька – просто чудо что за мышелов, – вздохнул генерал. – А твоя невеста… Скажи ей, что ты согласен на ней не жениться, коли уж она так волнуется. Уверяю, сразу же забудет про все приметы.

– Батюшка! – Александр был шокирован до глубины души.

– Что – батюшка? Пойдешь у глупости на поводу, сам последнего ума лишишься. Это, между прочим, генерал Тамарин говорил. Ты что не пьешь? Закуска кончилась? Стеша! Неси еще закуску!

Пока Александр Корф в Петергофе выяснял подробности биографии ее предков, Амалия вновь отправилась по магазинам, на сей раз прихватив с собой Дашу. Дядюшка Казимир остался дома – любоваться новоприобретенной шубой. Кроме того, по его собственным словам, он адски устал.

– Можем сразу же поехать к твоему студенту, – предложила Амалия.

– Нет, барышня, он далеко живет. Давайте уж сначала самовар выберем, ну… и все остальное тоже.

Делать покупки с Дашей было одно удовольствие: горничная сразу же видела, что подходит, а что нет, где приказчик пытается всучить им лежалый товар, а где действительно хочет помочь с выбором. Когда с магазинами было покончено, Амалия подозвала извозчика.

– Куда едем? – спросила она Дашу.

Девушка заколебалась.

– Мне, право, неловко, барышня… Николай говорил, что у него мать строгая… одна его воспитала… Если даже заболел, ведь она же за ним присмотрит, верно?

Амалия вздохнула, но в глубине души понимала терзания девушки и ее страх нагрянуть не вовремя и не понравиться матери человека, с которым, судя по всему, Даша связывала серьезные надежды.

– Хорошо, – сказала Амалия наконец. – Тогда просто поедем туда, где мы жили, найдем дворника и спросим у него, получил ли Николай твою записку.

Завидев в пролетке румяную, похорошевшую от мороза Дашу, дворник осклабился и подошел. От него пахло дешевой водкой, и Амалия отстранилась.

– Записку передал? – в нетерпении спросила Даша.

– Так точно, – ответил дворник. – Николай Петров, все честь по чести… Отдал ему письмецо ваше, объяснил, что вы переехали.

– Ну, слава богу, он не болен!.. – вырвалось у горничной. – Наверное, просто занят… учится…

Амалия вручила дворнику алтын, поблагодарила его за труды и велела кучеру трогать.

«Какие холодные эти наемные экипажи… – подумала она, ежась, и покосилась на поравнявшуюся с ними роскошную карету, запряженную тройкой белых лошадей, которые изяществом напоминали лебедей. – Надо будет завести свой собственный выезд… Да, только, если я так буду тратить деньги, их и на полгода не хватит…»

Из окна кареты выглянула холеная дама лет сорока, закутанная в соболя, заметила в глубине пролетки два юных девичьих силуэта и едва заметно поморщилась.

– Нет, дорогой князь, – сказала она человеку, который сидел с ней в карете, – я все же нахожу, что лишние триста десятин заливных лугов ничуть не повредят, так что не забудьте включить их в приданое. Ваша Бетти очень милая девушка, они с моим Alexandre такая потрясающая пара!

– Полина Сергеевна… – начал князь Гагарин с неудовольствием.

– Нет, нет! Мы с вами уже договорились, n’est-ce pas? А список гостей составим с вами вместе.

И карета покатила мимо памятника Петру к Английской набережной.

Глава 8
Екатерининский канал

Этот воскресный день Александр будет потом не раз вспоминать во всех подробностях. И, вспоминая, задавать себе один и тот же вопрос: не колола ли его душу смутная тревога? Не было ли у него предчувствия относительно того, как все обернется, того, чем кончится первый день календарной весны?

И откровенно самому себе мог признаться: нет. Ни тени сомнения не было. Ни зловещих снов, ни дурных примет. Ничего.

– Степка, шинель!

Знакомая лестница, ступени, покрытые пыльным ковром, на часах – чуть за полдень. Он спустился вниз и у выхода увидел полицмейстера Дворжицкого, который наравне с прочими занимался охраной особы государя и должен был сопровождать его выезды. Дворжицкий был обходителен, услужлив, неглуп, но и не особо умен, и во дворце с ним не слишком считались. Сквозь зубы поздоровавшись с полицмейстером и отдав честь находившемуся здесь же старому генералу, Александр стал натягивать перчатки.

«Черт знает что такое… – в раздражении подумал он. – Российского царя охраняем от его же народа! И когда только такое было…»

Генерал пристально посмотрел на него.

– Сегодня разве ваша очередь, Корф? – нерешительно спросил он, прервав беседу с Дворжицким.

– Так точно, господин генерал, – без запинки ответил молодой человек.

Генерал, однако, хотел спросить у него еще о чем-то, но их прервал царственный голос:

– Здравствуйте, молодцы!

– Здравия желаем, ваше величество! – гулко прокричали караульные.

Только что показался император. Высокая, величественная фигура в мундире Саперного батальона. Золотые эполеты с вензелем Н – в честь его отца – сверкали на плечах. Возраст, конечно, берет свое – все ж шестьдесят два года царю, но хорош, ничего не скажешь. Александр почтительно вытянулся в струнку.

Государь поздоровался со всеми, и взгляд его больших голубых глаз обратился на молодого офицера.

– А, Корф, – усмехнулся он. – Ну что, едем?

Засуетились лакеи, подали шинель с бобровым воротником, фуражку. Дворжицкий, опередив слуг, кинулся распахивать перед государем дверь, вызвав у того улыбку своей предупредительностью.

– Позже увидимся, – сказал на прощание император генералу, который хотел о чем-то его просить, – когда вернусь.

– Как будет угодно вашему величеству, – отвечал тот.

Снаружи было морозно и пасмурно, под ногами скрипел снег. Карета императора, окруженная шестью конвойными казаками, уже ждала во дворе. Проходя мимо, Александр с завистью покосился на всадников. Его место было на козлах, рядом с кучером Фролом Сергеевым, и нельзя сказать, чтобы среди офицеров его круга считалось честью сидеть возле царского кучера.

– В Михайловский манеж, через Певческий мост, – бросил император кучеру, садясь в карету.

И они поехали, прикрытые казаками со всех сторон, а за каретой императора двинулись сани Дворжицкого, запряженные парой лошадей. Замыкали царский поезд сани начальника

охранной стражи отдельного корпуса жандармов капитана Коха, который тоже на всякий случай сопровождал сегодня императора.

От лошадей шел пар, Фрол правил, зорко следя за дорогой. Александру было скучно. Они миновали Певческий мост, затем Театральный, выехали на набережную Екатерининского канала и свернули на Большую Итальянскую. Здесь уже было полно народу, и конные жандармы едва сдерживали толпу зевак, собравшихся поглазеть на приезд царя.

«Вечером к маман… – смутно размышлял молодой человек, косясь на толпу. – До чего же глупы все эти разговоры о приданом, в самом деле… И еще она жалуется, что князь Гагарин под влиянием своей супруги сделался излишне прижимист. Как будто я женюсь на деньгах, право слово…»

Занятый своими мыслями, он и не заметил, как они приехали.

– Тпрррру!

«Если бы ехать верхом, тогда другое дело, а на козлах…» Недовольно сморщившись, Александр открыл дверцу кареты. Появление императора было встречено нестройным «ура», которое быстро растворилось в фиолетовом холоде дня.

– Замерз? – неожиданно спросил император у молодого офицера, видя гримасу на его лице. – Ничего, это быстро…

Александру стало стыдно, но он не успел ничего сказать, потому что царя сразу же окружила толпа военных. Разговаривая с ними, государь прошел в манеж, где для развода находились батальон лейб-гвардии резервного пехотного полка и Саперный батальон.

Чувствуя себя совершенно лишним, Корф двинулся следом, стараясь не терять императора из виду. Сразу же увидел, что на развод приехали также наследник и брат царя, великий князь Михаил Николаевич. Наследник, чем-то похожий на крупного, плохо прирученного медведя, громко шутил и смеялся. Император, тоже находившийся, по-видимому, в отличном расположении духа, несколько раз смеялся вместе с сыном. Их согласие могло обмануть кого угодно, но не Александра Корфа, который отлично знал, что во многих вопросах, особенно политических, сын не поддерживает отца.

– Стройсь!

Все это он видел десятки раз, и все это, откровенно говоря, было не слишком интересно. В мыслях было совершенно другое: «Сегодня воскресенье… Прилично ли мне будет заглянуть к Бетти перед тем, как ехать к маменьке?»

Тут Александр вспомнил, что невеста говорила ему, будто собирается сегодня отправиться на каток. Весь вопрос в том, будет ли Бетти еще на катке, когда он освободится.

Развод быстро закончился. Император поговорил еще немного с приближенными и двинулся к выходу в сопровождении брата.

– Куда теперь, ваше величество? – почтительно осведомился Дворжицкий, который все это время переминался с ноги на ногу у входа в манеж.

– В Михайловский дворец, – ответил император.

Во дворце жила его кузина, великая княгиня Екатерина Михайловна. Александр Корф помнил, что ее отношения с царственным кузеном оставляли желать лучшего. Екатерина не одобряла реформаторские устремления императора, но особенно его огорчало то, что она демонстративно игнорировала его вторую жену, княгиню Юрьевскую.

«Все закончится очередной ледяной ссорой, – подумал молодой барон, снова забираясь на козлы и устраиваясь рядом с Фролом. – Без резких слов и упреков, но тем не менее… И какое ему дело до того, кто что думает о его жене? Мне, во всяком случае, совершенно все равно, что, к примеру, думают о нас с Бетти. Я люблю ее, и этого вполне достаточно, а мнение людей меня ни капли не интересует».

В Михайловский дворец кареты императора и его брата Михаила приехали почти одновременно. В парадной гостиной в тонких чашках севрского фарфора дымился чай. Кузина холодно улыбалась.

– Ваше величество…

На камине ожили часы, пробили и умолкли. Александр, сидя возле дверей гостиной, вздохнул. Ему показалось, что прошла целая вечность, а на самом деле… «Бетти, наверное, уже на катке… Или нет?»

Время ползло невыносимо медленно. Но вот ливрейный лакей распахнул дверь, и император быстрым шагом вышел из гостиной.

На пороге он, впрочем, задержался и, почти не оборачиваясь, бросил через плечо дрожащим от гнева голосом:

– Я надеюсь, что вы все же перемените свое мнение!

«Теперь во дворец, – понял Александр. – Всё? Всё».

Другой лакей подал шинель и фуражку, швейцар распахнул дверь.

– Той же дорогой домой, – бросил Александр кучеру. – И побыстрее!

Пар идет изо рта, снег скрипит, скрипит… Обыкновенный день, и даже тень тоски не сжимает сердце.

Карета поехала по Инженерной улице. По-прежнему впереди двигался экипаж царя в сопровождении шести казаков, а сзади ехали сани полицмейстера и сани Коха. Последние, запряженные только одной лошадью, начали отставать, потому что карета ехала очень быстро, и Александр даже придержался рукой за облучок, чтобы ненароком не слететь с козел.

Вот и поворот направо, на Екатерининский канал. Кучер привычно придержал коней.

На канале было мало народу. Пара молодых людей, по виду подмастерья, несли небольшой диван, шла какая-то баба разбитного вида в куцей шубейке, стояли двое городовых, мальчик тащил тяжелую корзину. Последний, завидев царскую карету, с любопытством поглядел на нее, поставил корзину на мостовую, застенчиво потер нос и на всякий случай снял шапку.

– Гляди-кось, – сказал один из подмастерьев второму, – государь!

Засмотревшись на карету, он едва не уронил диван на ногу своему товарищу. Тот подпрыгнул на месте и зашипел, как гусь:

– Смотри, что делаешь!

Возле решетки сада человек средних лет, по одежде военный фельдшер, заметив карету, отдал честь царю. В нескольких шагах от него студент с узелком в руке, совсем еще молодой, с глуповатой улыбкой. Вот карета поравнялась с ним…

А-а-а-ахххххх!

Александра подбросило на козлах. Грохот, крики, женский визг, лошадиное ржание…

– Стой! Стой, Фрол!

В первое мгновение Корф не узнал голос императора. Вокруг все заволокло дымом, в лицо попали невесть откуда взявшиеся комья промерзшего снега с острыми ледяными краями. Машинально он дотронулся до щеки – и увидел на перчатке кровь.

– Тпрру! Тпрру! – истошно кричал сзади кучер Дворжицкого. – Господи боже мой, святые угодники…

У Александра все плыло перед глазами. «Царь убит… или ранен?» Он покачнулся и, ища опоры, схватился рукой за козлы.

– Господин барон… – лепетал Фрол. – Да что ж такое делается!

Александр тряхнул головой. Понял: карета остановилась, надо сойти и посмотреть, что с императором; но ноги отказывались повиноваться. Тут он услышал тоненький, жалобный писк, повернул голову – и остолбенел… Мальчик, тот, который нес корзину, лежал сейчас

на мостовой в луже крови, слабо перебирая ногами. Его большие глаза были полны ужаса… из них катились слезы боли и застывали на морозе…

– Держи! Держи! – кричали где-то впереди.

Потом уже Александр узнал, что это кричал террорист, тот самый студент с узелком. Он рассчитывал скрыться, подняв тревогу. Но военный фельдшер, находившийся неподалеку, видел, как он бросил узелок с бомбой под карету, и кинулся к нему, за ним, воя.

– Это он! Хватайте его!

Один из двух городовых лежал, раненный. Второй, опомнившись, побежал за террористом, однако тот был моложе и проворней. Если бы не случайный прохожий работяга, который догадался швырнуть студенту в ноги лом, не исключено, что бомбисту удалось бы уйти. Городовой подбежал к преступнику, споткнувшемуся о лом и упавшему.

– Лежать! К-каналья…

Однако лежащий на земле стал вырываться, извиваясь всем телом. Он попытался даже завладеть шашкой городового, и тот вдвоем с подоспевшим на помощь фельдшером никак не мог совладать с хлипким с виду террористом. В каком-то истерическом остервенении, бешено оскалив зубы, преступник брыкался и кусался, и все еще пытался выхватить шашку.

Со стороны Невского проспекта бежали прохожие, услышавшие взрыв. Опередив всех, на месте оказались несколько солдат Преображенского полка. Поняв, в чем дело, они набросились на преступника и скрутили ему руки, а один из них, не удержавшись, ударил его ногой ниже пояса. Задержанный тоненько, по-женски взвизгнул и обмяк.

– Не бить! – грозно крикнул Кох, подбегая к ним.

Вокруг уже начала собираться толпа.

Террорист молчал и только жадно дышал, раскрыв рот. Но, завидев Коха и поняв, верно, что для него самого все кончено, он вдруг приподнялся с земли и крикнул кому-то в толпе:

– Скажи отцу, что меня схватили!

«Хорошенькое дело! – похолодел Кох. – Так этот мерзавец тут не один?»

– Саша! Саша! Саша, ты жив?

Александр мотнул головой. После контузии у него кружилась голова, и он не сразу понял, кто его трясет. Наконец увидел прямо перед собой искаженное лицо императора. «Хорош защитничек, – в порыве ненависти к себе подумал Александр, – расклеился как баба… Меня поставили защищать царя, а я что?»

– Барон Корф, кажется, контужен, – пролепетал Дворжицкий, стоявший где-то сбоку.

Лица его Александр не видел. Но ненависть помогла ему, он вновь почувствовал ноги и попытался сойти с козел. Император придержал его за руку.

– Государь… Вы не ранены? – пробормотал Александр.

– Нет, бог миловал, – ответил император. – Задняя стенка кареты вдребезги, и люди…

Царь не договорил, но, проследив за направлением его взгляда, Александр увидел на снегу позади кареты мертвого казака из конвоя. «А ведь я так хотел ехать сегодня верхом… Черт, как кружится голова…»

– Схвачен ли преступник? – спросил император у Дворжицкого.

– Да, ваше величество… Государь, мои сани… Если пожелаете…

Дворжицкий хотел предложить императору немедленно сесть в его сани (поскольку карета пострадала) и возвращаться во дворец, но Фрол все понял и обиделся.

– Зачем нам сани? Карета может ехать, ваше величество!

Государь, не слушая его, отвернулся. Оставшиеся в живых казаки давно спешились и окружили своего повелителя.

– Покажите мне преступника, – потребовал император. – Идем, Корф! – И добавил вполголоса, сжав его руку: – Обещаю тебе, он будет повешен за то, что сотворил.

Они успели сделать всего несколько шагов, и тут государь поскользнулся на ледяном тротуаре, на мгновение повиснув на руке Корфа. Но услужливый, обходительный Дворжицкий и кто-то из казаков успели подхватить императора и не дали ему упасть.

Еще шаг, и еще, и еще… И ногам идти все легче, и голова почти уже не кружится… Александр дернул щекой.

И тут увидел своего убийцу.

Хлюпик, понял молодой офицер. Безусый, невзрачный, с одутловатым лицом… Тьфу! Плюнь на него, он и переломится.

Преступника по-прежнему держали, вокруг стояла настороженная, взволнованная толпа. Разбитная баба в куцей шубейке, та самая, которая шла навстречу экипажу, что-то взахлеб рассказывала соседкам… Но Александр смотрел не на нее, а на своего врага. Террорист отчаянно пытался казаться дерзким, кривил губы в улыбке, но в глазах его метался страх.

Должно быть, государь тоже растерялся, увидев такого тщедушного, хлипкого преступника, потому что сказал только:

– Хорош!

И вслед затем обратился к Коху:

– Кто он?

– Говорит, что мещанин Вятской губернии, – ответил жандарм.

Император покачал головой и отвернулся.

– Идем, – сказал он своим спутникам.

– Государь, мои сани… – снова дрожащим голосом пролепетал Дворжицкий, – если вам угодно…

Царь, не отвечая, посмотрел на бледное лицо Александра, затем перевел взгляд на мальчика, который больше не корчился в агонии, на мертвого казака.

– Ваше величество, – пробормотал Александр, – в самом деле, лучше ехать отсюда…

– Да, – задумчиво ответил император, – ты прав.

И добавил еще несколько слов, которые Александр не расслышал. Затем двинулся по направлению к своей карете, окруженный казаками. Корф шагал справа, Дворжицкий – несколько впереди. В это мгновение все и случилось.

От решетки канала отлепилась мужская фигура в пальто с меховым воротником и, широко размахнувшись, бросила в ноги царю какой-то сверток.

Прогремел взрыв такой силы, что все, кто находился в нескольких метрах от царя, упали как подкошенные. «Это конец», – успел только подумать Александр.

Дым, какие-то пятна перед глазами, железистый привкус во рту… Он завозился, почувствовал, что лежит на земле. Кто-то кричал, мужчины и женщины, но крики доносились до Александра как сквозь вату. Его шинель была вся в снегу, и от холода он сразу же почувствовал, что половина рукава оторвана, но почему она оторвалась, не имел ни малейшего понятия. Левую руку выше локтя пронзала острая боль.

– Са…ша… Помоги…

Сначала Александр увидел, как в обожженной, изорванной шинели корчится на земле Дворжицкий, пытаясь подняться. Но Дворжицкий никогда не посмел бы назвать его Сашей… Тогда он перевел взгляд поближе – и увидел императора, который правым боком лежал на снегу, вытянув одну руку. Фуражка свалилась с его головы, лицо было залито кровью, губы вздрагивали, во взгляде больших голубых глаз читалась нечеловеческая мука.

– Государь…

Александр попытался подползти к императору, но левая рука мешала, и он только теперь заметил, что из предплечья у него торчит заостренный осколок металла. Бешенство придало офицеру сил. Содрав перчатку с правой руки, он вцепился в осколок и вытащил его из раны. Хлынула кровь. Кусая губы, Александр голыми пальцами стал загребать снег и тереть им лицо, чтобы прийти в себя.

– Государь ранен! – в отчаянии простонал Дворжицкий.

Вокруг них лежали, стонали, пытались подняться люди, пострадавшие при взрыве. Среди снега, грязи и крови виднелись обрывки одежды, оторванные эполеты, куски мертвых тел и битое стекло – от стоящего вблизи газового фонаря, покореженного взрывом.

«Только не терять сознания… только не сейчас!» Александр ударил себя по лицу и кое-как сел. И сразу же увидел, что император умирает. Его ноги были раздроблены, шинель, кроме разве что воротника и верхней части, превратилась в лохмотья. Из ран струями текла кровь, окрашивая снег алым.

Чувствуя в душе одну невыразимую, страшную пустоту и безмерное отчаяние, Александр все же нашел в себе силы взять императора за руку. Белая замшевая перчатка императора была вся в крови. Рука шевельнулась, Александр поймал нить пульса – и немного воспрянул духом.

Он не слышал, как истерично, нервически смеется оставшийся сзади первый убийца, которого по-прежнему держали и не выпускали. Студент хихикал, дергался всем телом, кривил рот… И Кох, который притом что жандарм, считал ниже своего достоинства поднимать руку на кого бы то ни было, не выдержал, подошел и размахнулся – но не ударил. Лицо его было страшно, и, увидев это лицо, студент поперхнулся смешком, съежился, умолк.

– Государь… – прошептал Александр.

Голубой глаз (второй оставался неподвижен) обратился в его сторону, и офицер едва не разрыдался. Из последних сил император попытался улыбнуться.

– Холодно… – прошептал умирающий. – Холодно…

– Государь, – простонал Дворжицкий, – вас надо перевязать…

Голова императора качнулась.

– Нет… домой… домой… Катя… у нее на руках… – Он замолчал, но потом все же закончил фразу: – Умереть. Она обещала… не оставлять меня… никогда…

Из его глаза покатилась слеза. Тряхнув головой, Александр поднялся.

– Вы куда? – встревожился Дворжицкий.

– Я убью эту сволочь, – сквозь зубы ответил офицер.

Но убивать сволочь никакой необходимости не было. Сволочь умирала сама, убитая той же бомбой, которую бросила в царя-освободителя. Александр угрюмо посмотрел на террориста, лежащего в луже крови, и отвернулся.

– Дорогу! Дорогу великому князю!

Брат императора Михаил, услышавший взрывы, примчался из дворца Екатерины Михайловны. Увидев, что произошло, он охнул, побелел и бросился к императору.

– Саша!

Государь уже не отвечал.

– Саша, ты меня слышишь? – Михаил встал перед братом на колени, заглянул в лицо. – Боже мой… Боже мой! Будь проклята эта проклятая страна! Саша!

Должно быть, его крики на мгновение привели умирающего в чувство, потому что он приоткрыл глаз.

– Домой… – прошептал император. – Скорее…

Это были его последние слова. Государь потерял сознание.

Глава 9
Свидетель

Утром 1 марта Казимир Браницкий проснулся в мягкой постели, в просторной комнате и сразу же почувствовал, что это и есть то существование, для которого он рожден, и что деньги – очень, очень хорошая вещь.

Он полюбовался на новые запонки, открытую коробочку с которыми оставил перед сном возле постели, удовлетворенно вздохнул и решил, что, если не будет совсем уж неприличного мороза, надо бы обновить шубу и прогуляться в ней хотя бы до площади.

С такой мыслью он умылся, побрился и отправился завтракать.

Даша, чем-то вчера огорченная, сегодня выглядела совершенно успокоившейся и даже напевала себе под нос.

– Ты не знаешь, на улице холодно? – спросил у нее Казимир.

– Как и должно быть в это время года, – ответила вместо горничной сестра.

Казимир надулся, но тут ему пришло в голову, что мех на морозе выглядит еще авантажнее. Он представил себя на Невском – в новой шубе, шапке и с тростью – и мысленно залюбовался сам собой. Правда, трость у него увел незнакомый офицер с неприятными манерами, но остальное все же оставалось при нем.

– Между прочим, – напомнила Аделаида Станиславовна, когда Амалия вышла из-за стола и удалилась к себе, – ты обещал не играть в карты.

– Я помню, – кивнул Казимир. – Но я просто хочу прогуляться.

Он нацепил запонки, облачился в шубу, надел новую шапку, повертелся перед зеркалом и понял, что жизнь удалась. Его уверенность была так заразительна, что сестра, Даша и даже старый ворчун Яков еще долго улыбались уже после того, как Казимирчик ушел, хотя ни один из них не смог бы объяснить причин своей улыбки.

Казимир прогулялся по проспекту, зашел в кондитерскую, съел пирожное, выпил чашку горячего кофию и окончательно погрузился в нирвану. Если бы при нем была еще и красивая трость, он вообще счел бы себя счастливейшим из людей.

Наконец вышел на улицу. Мимо него проезжали экипажи, шли юнкера, подмастерья, дамы, чиновники, просто гуляющие.

– Господин! Позвольте вам погадать… пожалте ручку…

Перед ним стояла цыганка в шубе и красных сапожках. Казимир покосился на видавшую виды шубу, судя по всему, волчью, и приосанился.

– Ну и что ты мне скажешь? – спросил с любопытством.

Цыганка блеснула глазами, сверкнула зубами.

– Удача тебя ждет, большая удача! – бойко объявила она. – Сегодня ты встретишь свою жену!

Казимир побледнел и попятился. Цыганка озадаченно моргнула.

– Ну, конечно, неприятности у тебя тоже будут, как же без этого, – продолжила гадалка. – Дай денежку, господин хороший, и я тебе еще много-много расскажу!

– Не надо, – хрипло ответил Казимир. – Я… кажется, я забыл дома кошелек.

И он удрал с максимальной скоростью, какую только позволяли приличия и его коротенькие ножки. Цыганка обескураженно посмотрела странному господину вслед.

Чтобы успокоиться, он свернул с Невского на первую попавшуюся улицу – это оказалась Михайловская – и по Большой Итальянской вышел к Екатерининскому каналу. Народу здесь было гораздо меньше, и Казимирчик зашагал медленнее, размышляя о том, что если бы

ему попалась еще одна цыганка, которая *предсказала* бы ему скорую женитьбу, то последствия могли оказаться самыми *непредсказуемыми*.

Довольный удачным каламбуром, Казимир перешел через мост на другую сторону канала, собираясь вернуться на проспект через Конюшенную площадь и Большую Конюшенную. Но тут его начало покалывать какое-то смутное беспокойство. Вселенная недвусмысленно посылала ему сигналы: что-то было не так.

Он ощупал карманы, проверил, на месте ли кошелек, и наконец определил источник тревоги. Ему показалось, что левая манжета как-то провисает. Он ощупал ее под рукавом шубы и – заледенел.

Запонки на месте не было.

Ужас, который ощутил Казимирчик в то мгновение, не поддается описанию. Нирвана обернулась густейшей болотной жижей, и свет померк в его глазах.

«Потерял!!! Как?! Когда?! Только вчера подарили… Адочка! Племянница! Ну, я хорош… Ах, черт возьми!» – скакали его мысли.

Казимир чуть не расплакался, но справедливо рассудил, что слезы не помогут вернуть потерянную запонку, поэтому попытался отрешиться от эмоций и принялся размышлять. Однако в его состоянии это было не так-то легко.

Итак, когда он сидел в кондитерской на Невском, запонка совершенно точно была на месте, он даже тайком с гордостью ее потрогал. Стало быть, потерялась уже после того, как покинул кондитерскую. Может быть, до сих пор лежит где-то на тротуаре… И если ее никто не нашел…

Казимирчик с тяжким вздохом повернулся и последовал обратно в точности тем же путем, каким шел сюда. Он наклонил голову, внимательно рассматривая, не блестит ли где на снегу драгоценная запонка, и едва не налетел на какую-то особу. Та ойкнула и отскочила.

– Прошу прощения, сударыня, – произнес галантный Казимирчик, кланяясь и прижимая руку к сердцу. – Надеюсь, я не ушиб вас?

Хотел прибавить еще что-то, но «сударыня» метнула на него неприязненный взгляд и отошла.

«Тоже мне, недотрога», – подумал Казимир. Особа, которой он отдавил ногу, была совершенно не в его вкусе – маленькая и некрасивая, с мышастыми волосами и веснушчатым, напряженным лицом.

Казимир был уже на мосту через канал, когда из-за поворота показалась карета, окруженная конными казаками. Следом за каретой летели друг за другом двое саней. Звенела сбруя, кони потряхивали гривами и выдыхали струи пара.

А потом…

Бабах!

Казимир вытаращил глаза и прикипел к месту. И цыганка с ее грозным предсказанием насчет свадьбы, и даже потерянная запонка мигом вылетели из его головы.

Он смотрел на карету, из которой, распахнув дверцу, вышел взволнованный государь, на несчастного мальчика, случайного прохожего, который корчился на снегу в смертной агонии, на раненого городового, на убитого казака – и не верил, что это происходит здесь и сейчас, в европейской столице, в просвещенном XIX веке. Может быть, Казимир был человеком излишне легкомысленным и не то чтобы очень религиозным, но он твердо знал одно: людей нельзя убивать, и тем более – так.

«А ведь я совсем недавно шел по той стороне канала… Совсем недавно!» От мелькнувшей жуткой мысли у него на лбу выступил пот. Казимир обернулся и увидел, что особа, на которую он совсем недавно налетел, стоит на том берегу, взволнованно глядя на происходящее. И выражение ее лица ему безотчетно не понравилось.

Император, судя по всему, направился к своей карете, но тут к нему подскочил второй террорист и бросил бомбу прямо в ноги государю.

Казимир отшатнулся – и то, что происходило в следующие несколько минут, он не мог забыть до конца своих дней. Кто-то голосил, кто-то рыдал, женщины причитали… а на окровавленном снегу лежал человек с раздробленными ногами – русский царь! – и истекал кровью.

Подъехала карета великого князя Михаила. Брат царя выбежал наружу, схватился за голову, растолкал своих сопровождающих и кинулся к императору. Тот, судя по всему, потерял сознание, и было решено везти его на санях.

Казаки, солдаты, случайные прохожие, оказавшиеся поблизости, подняли тело императора и понесли его в сани. Рука царя безвольно свисала, почти касаясь земли, и уже по одному ее виду Казимир понял: это конец.

Когда сани тронулись с места, он проводил их взглядом и только тогда нашел в себе силы удалиться. Но никакая сила в мире теперь не смогла бы заставить его вернуться на Невский проспект по той стороне канала.

На улицах собирался народ, встревоженные люди спрашивали друг у друга, чего ради вздумала не вовремя палить пушка в Петропавловской крепости. (Первый взрыв был таким громким, что его приняли за привычный удар пушки, отмечавший полдень, – удар, по которому обыкновенно все сверяли часы.)

Нигде не останавливаясь, Казимир быстрым шагом вышел на Невский и вскоре был у своего нового дома. Внизу его встретила встревоженная мадам Шредер.

– Сударь, что происходит? Прибежала служанка госпожи Филимоновой, которая утверждает: случилось что-то страшное…

Госпожа Филимонова была той самой миловидной содержанкой банкира, которая жила напротив них, но сейчас Казимиру не было дела ни до нее, ни до хозяйки дома, которая, говоря с ним, машинально поправляла волосы. Он криво улыбнулся, пробормотал – с ужасающим польским акцентом – что-то насчет потерянной запонки, улизнул от мадам Шредер, с неожиданной для его комплекции стремительностью взлетел по лестнице и постучал в дверь.

Ему отворила Даша.

– Все дома? – выпалил Казимир.

– Да, Казимир Станиславович.

«И что это с ним случилось?» – встревожилась девушка, глядя на его бледное, потерянное лицо. Не снимая шубы и обуви, как был, Казимир прошел в гостиную.

Аделаида Станиславовна стояла посреди комнаты, критическим взором оглядывая только что начищенную хрустальную люстру. Казимир оперся обеими руками о стол и попытался отдышаться. А затем выпалил:

– Государь убит.

– Что?! – вырвалось у его сестры. – Ты шутишь, Казимир?

– Нет. Только что. На канале. Бомбой.

Аделаида Станиславовна ахнула и закрыла рот руками.

– Что случилось, дядюшка? – спросила Амалия, показываясь на пороге гостиной.

– Милая, тебе лучше сесть… – пролепетала мать. Не выдержала и всхлипнула. Наконец вымолвила: – Казимир говорит, что государя больше нет.

– Как – нет? – Карие глаза Амалии обратились на дядюшку. – Умер? От чего?

– Террористы… – обронил Казимир. Подошел к графину, который стоял в углу на одноногом столике, и налил себе стакан воды. – Бросили две бомбы. Императора увезли во дворец.

И, как был, в сапогах, в шубе, повалился на стул, стал нервно растирать лицо.

– Я подумал, что вы должны знать, – проговорил он, волнуясь. – Ведь особая служба… ведь ты попала туда только по его распоряжению. И вообще… кто знает, как сейчас все сложится.

Амалия не отвечала. Только позавчера она видела императора, и он был так любезен, так очарователен. Спросил, между прочим, любит ли она искусство, и пообещал как-нибудь быть ее гидом в коллекциях Эрмитажа. Конечно, то была простая любезность, но… но… Но теперь девушка не могла отделаться от мысли, что потеряла в своей жизни что-то очень важное. Амалия родилась, когда Александр Освободитель уже был императором. Она не помнила ни времена до освобождения от рабства, ни времена других правителей. И теперь ей было по-настоящему горько.

– Как это случилось?

– Государь ехал в карете. Студент бросил бомбу. Я… – Казимир тяжело вздохнул. – Нет, не могу сейчас об этом говорить.

– Дядюшка, – Амалия изменилась в лице, – так вы что, были там?

– На другой стороне канала, к счастью. На той, где был царь, погибло много народу. В том числе один ребенок.

– Что за канал?

– Екатерининский, там, где поворот. Я…

– Даша! – крикнула Амалия.

Горничная тотчас же показалась из передней. Лицо у нее было белое, губы дрожали – судя по всему, она все слышала.

– Даша, мое пальто!

– Амели, ты куда? – простонала Аделаида Станиславовна.

– Во дворец!

– Ты сошла с ума! Тебя не пустят! Куда ты идешь? Я не хочу, чтобы ты выходила из дома! Мало ли что может произойти! Эти нигилисты только в книжках сущие рыцари, а на самом деле, если они убивают детей, они – звери!

Амалия резко повернулась и посмотрела на мать так, что та даже отступила на шаг.

– Я должна знать, что происходит, – отчеканила девушка. – Наша семья не видела от императора ничего, кроме добра. Может быть, он еще жив!

И Амалия поспешила к себе в комнату – одеваться.

Аделаида Станиславовна посмотрела на брата, но тот отлично понимал, что отговаривать племянницу бесполезно, и только покачал головой.

– Так… – промолвила старая дама, постепенно обретая спокойствие духа. – Даша! Ты идешь с моей дочерью.

– Мне никто не нужен! – крикнула Амалия из своей комнаты. – Сама справлюсь!

Она вышла в переднюю, кое-как убрав волосы и не приколов накладку. Даша подала ей ботинки, шляпку, помогла надеть пальто. Амалия едва не ушла на мороз без перчаток, но в последний момент горничная все-таки вспомнила о них и, выбежав за дверь, догнала госпожу на лестнице.

– Амалия Константиновна! Перчатки!

И, подавая перчатки, несмело добавила:

– Я, Амалия Константиновна, буду молиться за государя. Может быть, все еще обойдется и он останется жив. Ведь на него уже несколько раз покушались!

– Молитва – это хорошо, – кивнула девушка. – Но я бы сейчас отдала все, чтобы не случилось того, что случилось.

На улице Амалия хотела взять извозчика и сразу же ехать к Зимнему дворцу, но обнаружила, что впопыхах забыла дома кошелек. Мгновение она размышляла, вернуться за ним

или нет, но, в конце концов, махнула на все рукой и быстрым шагом двинулась к Дворцовой площади.

Однако добраться до Зимнего оказалось не так просто – часть Невского, примыкающего к площади, была запружена народом, а на самой площади яблоку было негде упасть. Тут же были конные жандармы, сдерживавшие толпу, и гвардейцы с растерянными лицами.

Люди переговаривались, возмущались, иные злорадно ухмылялись, большинство же, как обыкновенно бывает, пришло только поглазеть.

– Как же так можно? – обиженно говорила какая-то женщина, по виду – жена мелкого чиновника. – Бомбу в… царя!..

– Позвольте, сударыня! – тотчас же встал в позу стоящий рядом студент в очках. – В царя, значит, нельзя, а в других можно? Так, что ли?

– Морду бы тебе набить, – мрачно откликнулся стоящий рядом мастеровой с огромными кулаками.

Студент испуганно оглянулся на него и стих.

– Жаль, театры, верно, закроют…

– Да ничего еще неизвестно…

Амалию сейчас до крайности раздражали все эти разговоры, которые она находила глупыми и неуместными. Кроме того, она поняла, что при таком количестве зевак добраться до Зимнего ей удастся не скоро, а девушка хотела во что бы то ни стало попасть туда, и как можно скорее. Поэтому Амалия свернула на набережную Мойки и по Гороховой вышла к морскому министерству. Обогнув здание министерства, вышла на Адмиралтейскую набережную, а затем на Дворцовую, где тоже было довольно людно. Бросив взгляд на штандарт на Зимнем, Амалия почувствовала, как у нее забилось сердце: флаг по-прежнему реял по ветру. Если бы император скончался, штандарт был бы спущен.

Теперь надо было попасть во дворец. Амалия поправила волосы, глубоко вздохнула, приняла надменный вид и поспешила к тому входу, через который позавчера она въехала в карете Волынского. На ее счастье, там стоял все тот же часовой – простоватого вида малый, который к тому же совершенно растерялся, потому что со всех сторон его атаковали любопытные.

– Да не знаю я, что там происходит! – плачущим голосом твердил парень. – Нам ничего не говорили! Сударыня, куда вы? Не велено!

– Ты что, меня не помнишь? – холодно смерила его взглядом Амалия. – От действительного тайного советника Волынского! Ты же пропускал нас позавчера!

Однако часовой оказался не лыком шит и настороженно спросил:

– И где же его высокопревосходительство?

Но Амалия и тут нашлась:

– Карета его высокопревосходительства застряла в толпе, он прибудет позже, а меня послали вперед, потому что каждая минута на счету. – Часовой заколебался. – Кстати, как тебя зовут? Его высокопревосходительство не любит, когда задерживают его людей!

Судя по всему, часовой очень не хотел называть свое имя, а потому посторонился и пропустил Амалию во дворец.

– Однако! Если у господина Волынского такие подчиненные, я был бы не прочь оказаться на его месте! – заметил какой-то острослов, ставший свидетелем этой маленькой сценки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.